

© 1990 г.

ХУБШМВД Н.

ДВА РУМЫНСКО-СЛАВЯНСКО-ТЮРКСКИХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗДА И НАЗВАНИЯ ПОВОЗОК В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Настоящая работа возникла из предварительных исследований к задуманному этимологическому словарю румынского языка. По этой причине я помещаю румынские слова *covrig* «крефель, бублик» и *teleaga* «тележка, маленькая двухколесная повозка» в начало двух больших этимологических гнезд, которые, хотя и не связаны семантически между собой, но ставят нас перед сходными проблемами словообразования и словоизменения в ныне исчезнувших тюркских языках, из которых в конечном счете заимствованы данные слова. В славянских языках сохранились дублиеты, объяснить которые можно, лишь исходя из материала тюркских языков. В определениях понятия «повозка» я должен был прежде всего учитывать аналогичные слова монгольских языков, имеющих тесные связи с тюркскими языками, с одной стороны, а с другой стороны, — с языками тунгусо-маньчжурской группы (к ним относятся: нанайский, ороцкий, эвенкийский или тунгусский в узком смысле и др. языки). Все эти неиндоевропейские языки объединяются под общим названием «алтайские» (не смешивать с алтайским в узком смысле, т. е. с языком алтайских тюрков) [1].

В доступных мне библиотеках Швейцарии и Гейдельберга, где нет алтайстических исследовательских центров, этот предмет представлен достаточно плохо. Поэтому мне не удалось просмотреть все относящиеся к этой области первоисточники. Будучи романистом, я лишь вскользь занимался (во всяком случае до опубликования моей диссертации «*Präe-historia*») словарным составом алтайских и других восточных языков. При этом я учитывал доступную мне литературу по истории реалий, что позволило внести дополнения и даже коррективы в высказывания исследователей-алтаистов. Я полагаю, что благодаря методике исследования, применяемой мной при занятиях романскими языками, я смог подтвердить некоторые ныне существующие объяснения в области алтайской этимологии и добиться успеха в получении новых результатов.

1. Рум. *covrig*, русск. *коврига*, тюрк. *kyvryk*

1. Рум. *covrig* «крефель кольцеобразной формы толщиной в палец, изготавливаемый из пшеничной муки, посыпанный солью, кунжутом или тмином», *covrigu de pâine* (Библия 1688 г. и т. д.). Эти крефели раздают детям, которые ходят от дома к дому и поют рождественские песни, или мальчикам в память об умерших. Содержащиеся в литературе примеры происходят прежде всего из Молдавии; Годос дает для Баната *covrig*. Переносное значение в а (se) *face covrig* «оборачиваться вокруг чего-л.,

свернуться калачиком, съезживаться», а *ajunge la covrig* «разориться, пойти по миру, an den Bettelstab kommen».

Производные слова: *covrigăș, covrigel, covriguț*, уменьшительные формы от *covrig*; *covrigăr* «продавец или пекарь-бараночник, выпекающий крендели», и т. д. Глаголы: *covrigă-* «сворачиваться, съезживаться», *covrigi-*, *covrigăt* «съезжившийся», *covrigit-*, *incovrigă-* и др. «сгибать в кольцо: обвивать, делать кольца, сворачиваться, оборачиваться вокруг чего-л., съезживаться», *incovrigăt* «согнутый в форме кренделя, свернутый, свернувшийся калачиком».

2 *Covrig* как технический термин моряков «двойная петля корабельного каната».

Переносные значения объясняются через понятие круглого кренделя, как и синонимичное рум. *incovrigă-*, румынское же *incolăci-*, производное от рум. *colac*, «калач, крендель».

Рум. *covrig*, вероятно, славянского происхождения. Оно соответствует др.-русск. *ковръгъ* «цельный испеченный (круглый) хлеб» (1230 г.) [2, 1422 г.]. Форма жен. рода *ковръга* отмечается с 1075 г. [3, II, с. 272]. Это слово распространено также в народных говорах и означает «ломоть хлеба, маленький пирожок из ржаной муки, оладья, блин, лепешка» [4, вып. 14. с. 32—33]. Наряду с данным вариантом в русских говорах существует вариант *коврега*. Соответствием рум. *covrig*, вероятно, заимствованному в древние времена из южнославянских языков, как можно предположить, является болг. *ковръг* «маленький крендель как рождественское печенье» [5, II, с. 380]. Однако это слово диалектное и, возможно, зафиксировано только в соседстве с румынским языком. Я не нашел примеров ни в глоссариях и индексах «Сборника за народни умотворения и народопие» (58 томов), ни в серии «Българска диалектология» [6]. Заимствование этого слова из румынского языка вероятнее, тем более, что там слово *covrig* повсеместно распространено.

Для романиста, который интересуется только непосредственным происхождением рум. *covrig*, но не дальнейшими связанными с ним вопросами, этих данных могло бы быть достаточно. Между тем они не достаточны, так как болг. *ковръг* как непосредственная опора для славянского этимона полностью отпадает и тогда в наличии остается только русское соответствие. При историко-лингвогеографическом подходе перед румыноведом и особенно перед славистом в этом случае возникает вопрос, имеются ли еще слова славянского происхождения, в отношении которых только румынские соответствия доказывают, что они прежде существовали в южнославянских языках. Г. Михаила этой проблемой не занимался. Аналогичная постановка вопроса, над которой еще никто доныне не задумывался, возможна и применительно к словам германского происхождения в языках западной Романии, а также к тюркским элементам, которые рано проникли в славянские языки.

Кроме этого, от культурных заимствований можно ожидать указания на их предысторию, если они в языке, из которого происходят, сами являются заимствованиями. Как правило, сведения об этом можно найти в этимологических словарях тех языков, из которых румыны заимствовали данное слово. Таким же образом, нельзя ограничиться при этимологизации франц. *sucre* установлением того, что оно может быть заимствовано из ит. *zucchero*. В [7, XIX, с. 163] совершенно справедливо отмечено не только то, что ит. *zucchero* было воспринято через сиций. *zuccari* от проживавших там арабов, но и также то, что араб. *sukkar* в свою очередь заимствовано из ср.-инд. *śakkarā*, др.-инд. *śarkarā*, и с другой стороны,

индийское слово через греч. *sákcharon* дало лат. *saccharum* (из греческого рум. *zâhar*, русск. *сахар* и т. д.). Арнальд Штейгер в труде о путях распространения восточного языкового материала не ограничивается лишь краткими сведениями об арабских этимонах, но затрагивает и пред историю арабских слов, если они в свою очередь заимствованы из другого языка [8, с. 1—62]. При ст.-франц. *tarquais* «колчан» и его этимологическом гнезде (франц. *carquois*), которое, вероятно, через арабское посредство было заимствовано из персидского языка, я дал объяснения персидскому слову, чтобы показать, что оно в персидском языке могло быть исконным [9, с. 192].

Вот почему при этимологизации рум. *covrig* решено не только привести русск. *коврига*, но также и обсудить происхождение этого слова. Циоранеску дает к нему самые минимальные указания. Он замечает при рум. *covrig* «Болг., русск. *коврига*(а) из тур. *kevrek*» [10, I, с. 594; 11, с. 244], но ни Бернекер, ни Младенов [11, с. 244], на которых он ссылается в связи с данной этимологией, не обнаруживают к этому ничего более близкого. Поэтому я буду в дальнейшем более подробно заниматься этимологией, указанной Циоранеску, которая не обладает большой объяснительной силой. Циоранеску не дает в ясных с этимологической точки зрения случаях, например, при рум. *vreme*, славянского этимона с родственными славянскими словами (праслав. **vertme*, ср. болг. *време*..., русск. *время* [3, I, с. 361]). Он цитирует без указания значения тур. *kevrek* по Бернекеру, который в этом случае пишет *kevrek* через *e* вместо заднерядного *y* в современном написании. Но тур. *kyryuk* не должно было бы дать русск. *коврига*. У румынских слов, объясняемых из славянских языков, точнее тех слов, происхождение которых неясно и которые в славянские языки заимствованы еще откуда-либо, необходимо исследовать целые славянские этимологические гнезда на основе дошедших до нас материалов. К рум. *cotigă* (синоним к *teleagă*, см. выше) вместе со славянскими и осетинскими параллелями я также привел доказательства того, что происхождение рум. *cotigă* из славянских языков невозможно. Это слово должно было происходить из языка-субстрата. Аналогично этому можно указать в оценке поразительных румынско-венгерских сопоставлений, что отмечено при этимологизации рум. *talpă* (со старым производным *tălpigă*) и венг. *talp* со значением «подошва ноги» у обоих слов [12, с. 124—125]. Оба слова объясняются из общего доиндоевропейского дакийского и паннонского субстрата.

По Фасмеру [3, II, с. 272], русск. *коврига* до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения. Блр. *каврига*, которое он приводит, явно диалектное; русск. *коврига* переводится белорусским *божън*, *божънка*. В появившихся позже специальных трудах Н. К. Дмитриева [13] и Н. Н. Поппе-младшего [14] о тюркском влиянии на русскую лексику слово *коврига* не упоминается. Оно отсутствует также и в сводке Кипарского [15]. Поэтому неудивительно, что ни Е. Н. Шинова [2], ни Н. М. Шанский [16] не вносят ничего нового; они повторяют то, что говорил П. М. Мелиоранский [17, с. 121]. Он связывал это слово с османским (=турецким)¹

¹ Термин «османский» здесь обозначает современный турецкий язык Турции, а то время как «тюркский» — тюркские языки вообще. Примеры из различных источников с целью унификации для турецкого языка даются мною по Радлову и Рясняну, не в современном, а в традиционном написании. Тот же принцип принят и для передачи древнетюркских примеров, где я, как и А. фон Габен, отказался от отражения фонологически нерелевантного различия между *k* (перед передними) и *q* (перед задними) гласными. То же самое относится и к примерам из монгольских языков.

kyvryk или корнем *kyvur-*, которые означают «придавать форму, приводить в порядок» ($y = i, \iota$). Однако тур. *kyvryk*, которое означает «согнутый завитой» и содержит суф. *-k*, как и др.-тюрк. *tilik* «просьба» наряду с *tiläk* как производным от *tilä-* «просить» (см. об этом [18, § 127]), едва ли могло дать русск. *коврига*. На это указывает и П. М. Мелиоранский, выбрав в качестве производящего слова русское (правда, не указанное им) *ковриг*. В позднейшей заметке ([19], ср. [3, II, с. 272]) он упоминает вообще только об одном известном русском слове *ковриг* и задает вопрос, имеет ли оно какую-либо связь с тур. *kyvryk*. Его этимология искажает факты, поэтому нуждается в уточнении и лучшем обосновании. Она много лучше той, которую предложил Ф. Миклошич, а Э. В. Севортян [20, III, с. 9] некритически принял: сопоставление с тур. *gevrek* или *gävüräk* «friable, fragile» [21, с. 690], «Zwieback» [22, II, с. 1580], между тем как другие исследователи внесли в эту этимологию некоторые уточнения [24, с. 153—158; 25, с. 68—72]. Отсюда выведено болг. *gevrék* «бублик», которое хотя и сиконимично рум. *covrig*, но не связано с ним, вопреки фонетическому сходству. Тур. *gävüräk* соотносится с тур. *gävürä-* «быть сухим, твердым, ломким» [22, II, с. 1580] и далее с такасск. *kevrekner* «любой кусок дерева» (XI в.), кыпч. *kevrek* «бисквит» [21, с. 690], шор. *käbräk* «хрупкий, ломкий» [22, II, с. 1198], п.-мо. *kebereg*, калм. *kavrag* [23, с. 229], эвенк. *кыпули-* «ломать» ([23, с. 230]). Всем этим русск. *коврига* ни в какой степени не объясняется.

Если русск. *коврига* может иметь что-то общее с тур. *kyvryk*, что М. Фасмер подтверждает сомнению без достаточных обоснований, то соответствующая исходная тюркская форма с лабиализацией ударного гласного *y* перед последующим *v* в *o* могла бы дать др.-руссск. **коврыкъ* или **коврыгъ*, где ударное тюркское *y* с такой же вероятностью могло бы дать др.-руссск. *ы*. Это *ы* только позднее развилось в русск. *и* (*i*), как явствует из просмотра словаря Е. Н. Шиповой: *кумызъ* (1185 г.) > *кумыс*, *дервышъ* (1551, 1594 гг.) > *дервиш* (с 1652 г.)

Др.-руссск. *коврига* и *ковригъ* могли, следовательно, восходить к тюркским вариантам **kivrik* или же **kivrig(ä)*. Лабиализация предупредарного *i* сравнима с лабиализацией тюрк. *y* > русск. *о*, *у* в кав.-тат., кирг. *кумуз* «кобылье молоко» (у Фасмера ошибочно написано *кумуз*) > др.-руссск. *кумызъ* (1185 г.), *кумузь* (1250 г.), *комузь* (XVI в.), современное *кумыс*, заимствованное укр. *кумис* [26] (укр. *комуз* у Фасмера является неупотребительным). Аналогичные примеры лабиализации предупредарного гласного под влиянием последующего губного согласного дает В. Вондрак [27, § 32].

Если мы исходим из тюрк. **kivrik*, то тогда тюрк. *-k* передается в русском языке через *-г*. И в самом деле, тюркские заимствования в других славянских языках многократно демонстрируют озвончение *-k*, см. примеры в работах К. Г. Менгеса [28, с. 181; 29, с. 76; 30, с. 188—189]. С другой стороны, тюркский суф. *-k* содержится в др.-руссск. *топчакъ* «татарское племя» [29, с. 51; 30, с. 145—146], в др.-руссск. *кулакъ* «кулак» и других словах. Замена **kivrik* формой жен. рода *киврига* могла бы найти параллели в 118 примерах, приводимых П. М. Мелиоранским.

Остается еще тюрк. *kivrig(ä)* с суф. *-g*, который в ряде случаев преобразовался в *-gä*. Этот «самый обычный глагольный суффикс образует широкий круг отглагольных образований, имен...» [21, с. XLIV]. Он выражает результат действия, обозначенного глаголом. Это явствует из др.-тюрк. *каруу-* (также *-ау*, *-эу*) «дверь», собственно «покрывающее» (от *кар-* «покрывать»). *сауу* «жертвоприношение» (от *саз-* «разбрасывать,

сыпать), *taryu* (также *taray*) «хлеб, зерно» (от *tar-* «пахать» [31, с. 464]) и т. д. (ср. [18, § 108; 32, с. 122, 33, с. 110; 34, с. 101]). Функциональное отграничение этих имен от имен с *-k* неясно [18, § 127].

Тур. *kyvyr-* означает «вертеть, свертывать, наматывать, завивать, складывать, поднимать платье, сгибать» [22, II, клн. 949; 31, с. 269], *kyvyrmak* «attollere, colligere mystaces, vestes, oram elice consuere, complicare, crispare, ribracciare, raccogliere, orlare ripiegare (la falda della veste)» [35, 1680, II, с. 3791; 1780, III, с. 1066]. Сюда же относятся тур. *kyvy* «crispus, курчавый» [35, 1680, II, с. 3793], «crespo, riccio» [35, 1780, III, с. 1066], *kyvyrt* «riccio di capelli» [35, 1680, II, с. 3791; 1780, III, с. 1065], *kyvyrk* «завитой, согнутый» [22, II, клн. 850], *kyvyryk* «свернутый, завернутый, обвитый, заплетенный, тканый, курчавый, завитой, собранный, сведенный», «réuni, ramassé» [36, 730], *kyvrak* [36, 730; 22, II, клн. 850], *kyvyrtmak* «crespare, torcere il filo» [35, 1780, III, 1064], *kyvyrgik* «crispus» (там же), *kyvyrgyk* «завитой, курчавый, курчавый, складчатый» [36].

Из тюркских языков заимствовано алб.-тоск. *këvrëk* «сигво», в собрании текстов о человеке используется «согнутый» (как тюркский лук) или — о плуге (*plûari i mprêhtë i parmëndës këvrëke* «il pesante vomere del curvo aratro»). Это слово указано только у Леотти и определяется как «обернутый, завернутый» (об одежде) [37, с. 80]. Тюркское происхождение имеет также серб.-хорв. *kôvrëak* «завиток шерсти», *kôvrëast* «кудрявый, завитый», *kôvrëati* «завивать», *kôvrëav* «кудрявый, завитой, курчавый» [38, с. 37, 63: 39; 40, II, с. 172 с дальнейшими производными]. Бросается в глаза то, что в албанском содержится самое старое значение. В сербохорватском тур. *y* перед губным согласным заменено на *o*, что сопоставимо с русск. *коверига*; в других сербохорватских словах, где отсутствует влияние губных согласных, происходит замена на *e*, *a*, *i* или (перед *r*) на *ɾ*, [ср. 41, с. 346; 42, с. 267]. Дальнейшие специальные значения *kyvyr-* и его производные в диалектах указаны в [43, II, с. 928—929].

Возможно, соответствием тюрк. **kyvyr*, **kivir* является еще чув. *xir* «наматывать, поднимать воротом», так как *-v* в чувашском выпадает, но обычно лабиализует последующий гласный. Поэтому такая связь сомнительна [31, с. 269].

Сюда же подходят материалы из использовавшегося в XV—XIX вв. среднеазиатско-тюркского литературного языка, который развивался как продолжение хорезмийско-тюркского, но содержит также элементы разных местных диалектов [44, с. 138]; чагат. *kivra* «сложенный вместе, смятый, курчавый» [22, II, клн. 820], *kivramak* «стягивать, складывать, скатывать, сгибать» [45, с. 324], *kevermek*, *kivermek* [45, с. 335], *kivrak* «сложенный, смятый, курчавый» [22, II, клн. 280], *kâvâr* «возмущать, возбуждать, переворачивать» [22, II, клн. 1202]. К сожалению, недостаточно данных относительно того, где и когда эти слова зафиксированы. Источники, использованные Радловым и Вамбери, отчасти имеют довольно сомнительную ценность (ср. предисловие к переизданию словаря Радлова [22, I, клн. XIV—XV]). В древнетюркском и восточнотюркском языках встречается иногда *i* вм. *y* других тюркских языков [46, с. 83; 34, с. 49—51]. Согласно И. Экманну [44, с. 144—145], чагатайский должен был иметь большей частью *y*: колебания можно найти в позднейших рукописях. Вамбери дает только *i*. Ряснян в этимологическом словаре почти исключительно чагат. *i*, которому в других материалах, а также в древнетюркских памятниках, относящихся к восточной группе тюркских языков, соответствует *y*. Монгольские параллели тюркских слов с *y*, напро-

тив того, содержат *i*. Кроме этого, в древнетюркском языке смешиваются друг с другом гласные *a* и *y* и *ä* с *i* [18, § 20], в чагатайском — гласные *ä* с *e* и *i*. С этим можно сравнить еще [47, с. 71—72]. При обсуждении др.-русск. *колимагъ* «палатка, шатер» как заимствования из тюрк. *kalymak* или монг. *kalymak* > *kalimak*, которое было, возможно, заимствовано славянами через посредство авар-монголов, К. Менгес показывает развитие *y* > *i* [48, с. 328]. Поразительно также др.-тюрк., уйг. *tyl, til* «язык, речь», чагат., алт., тел., шор., сагайск., койб., казах. и т. д. *til*, тур., туркм. *dil* «язык», каз.-тат. *täl* при ср.-тюрк. *tylyk* «с речью кого-л.» и тур. *tylak* «небная занавеска» [22, III, клн. 1332, 1379; 31, с. 478; 20, вып. 3, 228; 46, с. 57]. М. Ряснен [46] указывает *tyl* ~ *til* и другие случаи соответствий *y* < *i* как нерегулярные в главе о спорадических смещениях гласных. Также и Дж. Клоусон [21, с. 489] устанавливает, что на этот счет не существует заметных закономерностей. По А. фон Габен [18, § 16], в древнетюркском языке сохранились и другие слова, которые некогда имели *y*, в некоторых памятниках передвинувшиеся в передний ряд. Соотношение форм *kyryk*/**kyrik* или **kyrig* должно рассматриваться в связи с этим явлением.

Имеются еще и другие старые, вероятно, тюркские заимствования в русском языке, не отражающие непосредственно приведенных здесь тюркских вариантов типа др.-русск. *товаръ* «полевой лагерь, город из повозок» с *o* и *-v-*, которые могли переходить в *a* и *-b-* (ср. фонетический указатель в [49, с. 776, 778; 46, с. 60, 124]), тур., крым.-тат. *tabur* [31, с. 453]; из татарского русск. *табор*; из славянского рум. *tabără*; др.-русск. *лыскоръ* «кирка, лопата» ~ казах. *läskär* тж. [22, III, клн. 747]. Сюда относятся и некоторые общеславянские слова (в том числе русские), которые оканчиваются на *-aga* и которые не могут объясняться из и.-е. языков, ср. [27, с. 610, 615]. Одни из них имеют точную тюркскую форму, другие — совершенно достоверное, но внешне измененное тюркское соответствие. У третьих их тюркское соответствие до сих пор не выявлено, у четвертых тюркское происхождение единодушно признано, но неясно, соотносятся ли друг с другом сопоставляемые слова.

Имеются в виду следующие слова:

Ст.-слав. *тояга* «пастушья палка, дубинка» (>рум. *toiag* «палка, посох»), серб.-хорв. *tojaga* [40, III, с. 479] из болгарского *tojaγ*, которое соотносится с чув. *toja*, *tuja* и связано с др.-тюрк. *tajak* «посох, жезл» (*k* < *γ*; ср. [18, § 25]), чагат. *tajay* [22, III, клн. 816—817], п.-мо. *tajaga* «палка» и далее — от тюрк. и монг. *taja-* «опираться на что-л.» [31, с. 455, 484; 50, II, с. 213].

Польск. диал. *talaga* «крестьянская повозка», при польск. *telega*, *teliga* и т. д., др.-тюрк. *tilgen* (см. ниже).

Русск. диал. *кула́га* «тесто из ржаной муки, вид каши из ржаной муки и солода», укр. *кула́га* (см. ниже).

Др.-русск. *кърчага* «глиняный горшок» (997 г.), *кърчагъ* (1512 г.) > русск. *корчага*, которое широко распространено и имеет также значение «кувшин, чугунный котел, деревянный чан для масла или солений, бочонок для кваса» [4, вып. 15, с. 29—30]. К этому же относится ц.-слав. *крьчагъ* «кувшин для воды, фаянсовый горшок, глиняный горшок», серб.-хорв. *krčag* «кувшин, кувшин для воды» [40, I, с. 626], болг. диал. *кърчагъ* «глиняная посуда для воды, вина или для хранения овощей», банск. «бочонок», болг. диал. *карчак*, *крчак* с нерегулярными суффиксом, смольянск. *карчѣк* «бочка, кадка» [51, III, с. 222]. Остается недоказанной ни связь этих слов с тел. *kurčak* «обруч бочки» (к др.-тюрк. *kur* «пояс»

[52, с. 122]), нн с сагайск. *kārčak* «ящик, гроб» [22, II, клн. 203], алт., тел., куманд. *kajurčak* «ящик, сундук» [22, II, 97], к этому же [3, II, с. 341], нн с другими подобными словами [54, III, с. 207—208]².

«Восточное происхождение», однако без более близких тюркских соответствий, будет иметь также др.-русс., ст.-слав. *кощѣеѣ* «ящик, сундук» [3, II, с. 272], финальная часть которого напоминает *-egъ* в русск. диал. *кощѣга* и др.-русс. *тебѣга*. При систематическом просмотре славянских словарей можно, наверное, было бы найти и другие подобные примеры.

Тюрк. **kivrik* также является звуковым вариантом тур. *kıvrık* или же, если оно выводится из **kivrig*, одновременно ведет себя и как морфологический вариант. Это слово имело, собственно говоря, значение «нечто свернутое, в круглой форме», в специальном употреблении «лепешка круглой формы», которая часто встречается на Востоке, например, у киргизов [57, II, с. 261, иллюстрация]. Перенос наименования на выпечное изделие объясняется точно так же, как совр. франц. *une gimblette* «sorte de pâtisserie en forme d'anneau, nouée» произведено от лангедокского *!и* тулузского *gimblá* «tordre, plier, couber» [7, IV, с. 133], или как происходящее от лат. *torquere* «вращать, обвивать, поворачивать» отглагольное позднелатинское существительное *torta*, откуда рум. *turtă* «плоский круглый хлеб, лепешка» и т. д. [7, XIII, ч. 2, с. 113], или как производное от слав. *kolo* «колесо» (от и.-е. **kʷel-* «вращать»), русск., ц.-слав. *колячь* «*panis rotundus*» и т. д. (> рум. *colaci pi.* [58, с. 60]). Далее нужно упомянуть и.-е. корень **ger-* «вращать, наматывать» с назализацией **gren-g-* в литов. *gręžti* «поворачивать в горизонтальной плоскости, вращать, сверлить» с вариантом **gren-k-* в ср.-в.-н. *krinc* «круг, кольцо», *kringel* тж., «круглое печенье, крендель» (нов.-в.-н. «Brezel») [59, с. 385]. К засвидетельствованному в турецком значению «завивать» можно привести в сравнение ср.-нем. Рейн, Нассау *kringeln* «завиваться в кольца, завивать (волосы)» и литов. *gręžti* «вращать», с которым связано далее лтш. (Домопол) *grindzins* «что-л. свернутое, (Welonen) «завитые пряди волос», так же, как и англ. *curl* «скручивать или сворачивать в колечки, как волосы», из герм. **kruzla-*, и ср.-в.-н. *krūs* «кудрявый» — оба происходят от и.-е. **greus-* [59, с. 389—390], относящегося к и.-е. корню **ger-*.

Славяне заимствовали слово **kivrik* (или **kivrig*) уже в переносном, конкретном значении. Другое тюркское заимствование из этого же круга понятий — это рум. *somop* «каравай хлеба, коврига хлеба, единица счета хлеба», которое по причине окончания *-op* вм. *-ил* в тур. *somil* «большой круглый хлеб» (> болг. серб.-хорв. *somun*, алб. *somine*) демонстрирует татарское влияние в вокализме [60, с. 90]. Тур. *somil* является производным от тур. *sot* «плотный, густой» и связано с кирг. *sot* «штука» [22, II, клн. 562]. Я указываю далее тюрк. *çöräk* «оладья, лепешка, печеный хлеб», *çörek* «круглое печенье, хлеб круглой формы», которое существует также не только в рум. *ciurec* «вид сдобной булки» и алб. *çurék* «круглый белый хлеб» при *çurék* [37, с. 38], но было заимствовано также в русский, новоперсидский и арабский языки [61, III, с. 116], на тюрк. *kömbüş* «хлеб, выпеченный в горячей золе» с соответствиями в новоперсидском и других иранских диалектах [61, III, с. 602], как и на тюрк. *fuska* с вариантами «печенье из слоеного теста» [31, с. 209: **jub-ka*], откуда

² Связь с суф. *-iaga* слав. **krъky* «шел» [53, с. 39—40; 54, вып. 13, с. 207—208] сомнительна, потому что симплекс в русском языке не представлен. Кроме того, не известны примеры семантического перехода «шел» — «посула». С другой стороны, в славянском продуктивный суф. *-aga* (-*yga*) засвидетельствован, см. [55, с. 93—96; 56, с. 247—264].

рум. *joŭká* «тонко раскатанное тесто, разрезанное и приготовленное в супе», н.-перс. *yūha* «вид тонко раскатанного хлеба» [61, IV, с. 211]. Бросается в глаза также русск. диал. *ку́лага* «тесто из ржаной муки, вид каши из ржаной муки и солода», которое образовано так же, как и русск. *корча́га*, и, по Маденауэру, является «восточным заимствованием», однако до сих пор соответствий ему в тюркских языках не найдено. Только возможно случайное соответствие в русск. *куле́ш* «жидкая гречневая каша, соленый отвар с горохом», также *ку́лий*; болг. *куля́ша* «вид каши», откуда рум. *coleașă*. По Георгиеву [51, III, с. 124], болг. *куляша* неизвестного происхождения.

Из древнерусского языка слово *коври́гъ* могло прийти до южных славян в то время, когда они жили еще в соседстве с восточными славянами. Или же южные славяне на своих прежних северных местах обитания заимствовали это слово непосредственно у говорящего по-тюркски народа. В конечном счете допустимо, что рум. *covrig* независимо от русск. *коври́гъ* было заимствовано из исчезнувшего тюркского (западнотюркского) языка понтийско-каспийских степных районов и его окраинных зон, т. е. вероятнее всего, из печенежского. Возможно, что на это могут указать не имеющие широкого распространения славянские слова, общие для русского и карпатославянских языков, вошедшие в румынский (чем и не занимался), тогда эта последняя гипотеза, безусловно, должна быть доказана. Во всяком случае, отсутствуют более точные параллели для перехода тюрк. *i* (или *e* в примере **keureg*, соответственно у **kyvryg*) перед губным согласным с отражением в виде рум. *o*: лат. *levāre* дает рум. *lua*, лат. *bovārius*, рум. *boar* (а не **buar*), тур. *y* дало обычное отражение в виде рум. *ă, î, i* или *e* [60, с. 9]. Рум. *ă* могло бы тогда в соответствии с развитием лат. *pālumbum* > рум. *părumb, porumb* [62, § 43] перед лабиальными *w* превратиться в *o*.

Упоминается также параллельно существующая форма *ковре́га*, засвидетельствованная в значении «каравай хлеба» в районах Воронежа, Орла, Тулы, Калуги, Рязани, Москвы и Олонца. В окрестностях Орла, Калуги и Олонца наряду с *ковре́га* одновременно употребительно и *коври́га* [4, вып. 14, с. 32—33]. Русск. диал. *ковре́га* не может иметь в качестве основы ни **kyvryk*, ни **kivrik*, им мог быть только тюркский вариант **keurek(-g)*. Развитие русск. *коври́га* > *ковре́га* исключено, так как ни в одном из русских диалектов (говоров) не может быть указано развитие *i* > *e*. При курском, рязанском и тульском *ковре́га* там же всюду *бить* и нигде **беть*.

Русск. диал. *коврега* также предполагает тюркское изменение *i* > *e*, как это отчасти в чувашском [63, с. 152] и тюркских языках Поволжья [40, с. 91]. В казанскотатарском переход *i* > *e* регулярен, в других татарских диалектах также обнаруживаются его примеры. Можно сравнить также [47, с. 71—72] и сопоставления следующих слов: тат. *bilině* (от *bilnäk* «знать») > русск. *билинчъ* «знак» [3, I, с. 165] (всюду с *i*) и, в противоположность этому, волжск-булг. **belčüg* > русск., ц.-слав. *бѣльчугъ* «браслет, кольцо» (> рум. **belciug*) и т. д. ~ чагат. *bilāzik* «браслет», калм. *biltsəg* «кольцо на пальце» [3, I, с. 150; 26, с. 181], или, возможно, волжск-булг. (?) *beleg* > русск. *белѣг* «знак», русск., ц.-слав., ст.-болг. *бѣльгъ* (> рум. *beleag*, венг. *bélyeg* [64, с. 96, 198]) ~ чагат. *bilgü*, др.-тюрк. *bälgü* «знак» [3, I, с. 150; 15, с. 63], которые содержат *ä*, в других тюркских словах изменяющееся в *i*. Формы **keurek*, **belčüg* и **beleag* происходят из **kivrik*, **bilčüg* и **bilig*. Таким способом становится возможным объяснить варианты *коврега* из тюркских языков.

II. Рум. *teleagă*, русск. *телега*, к.-калп. *telegen*

Точно таким же образом изменяющаяся огласовка рум. *teleagă* при диалектном *teligă*, *tiligă* и т. д. при славянском происхождении румынских слов по крайней мере отчасти основывается на фактах тюркских языков. Это подтверждают следующие примеры:

1. а) Рум. *teleagă* «маленькая, большей частью двухколесная повозка для перевозки людей и легкого груза, передвигаемая вручную или лошадьми (с 1594 г.), тачка, тележка без боковых стенок и брусков опоры, в основном для перевозки дров». В [65, карта 354] зафиксировано в пунктах 95 (Клуж) и 365 (Сучава), *teligă* в пункте 172 (Брашов) наряду с более распространенным *cotigă*. Памфиле указывает еще молд. *telegă*. Подударное *e* заменяется на *i* в Орадя, Деда *tileagă* [66, с. 195, 217].

Производные слова: *telegar* «молодая и быстрая упряжная лошадь» (с 1534 г.), букв. «тот, кто перевозит на повозке стволы деревьев»; *teleguță* — диминутив к *teleagă*, Деда *tileguță* [66, с. 195], Сучава *telegușcă* [67, I, с. 110]. *Dej telegău* «кусок дерева с двумя железными остриями на концах, который помещается на основание осей, когда повозка приспособляется для перевозки древесины».

б) Рум. *teleagă* «передок плуга, который поддерживает основу плуга», марам. *teleguță* [67, II, с. 108; 68, II, с. 86—88, 91, с иллюстрациями].

в) Романац (Ольтения) *teleagă* «поперечная перекладина, которая укреплена деревянными подпорками поверх жернова ручной мельницы и которая служит как рукоятка, чтобы приводить мельничный жернов во вращательное движение» [68, III, с. 115, с иллюстр.].

2. Арад *čeligă* «*teleagă*» (с палатализацией *t-*) [65, карта 354, пункт 47, банат. *tiligă* (пункт 53)].

3. Марамуреш *toligă* [65, пункт 279], марам. криш. *toligă* [65, пункт 334, 349].

4. Мунт. *teleașcă*.

5. Аромун. *taligă* «наемная телега», *dălingă*.

С этими словами можно сравнить следующие слова:

1.1. Др.-русс. *тельга* «повозка половцев (кыпчаков), когда они воевали против русских» (так в «Слове о полку Игореве») или просто «повозка» (примеры до 1704 г. [69, III, с. 946]), ст.-слав. *тъльга* [70, с. 987], также *телега* в Екатерининской копии «Слова о полку Игореве» [71] и ныне распространенное в значении «дорожная повозка, четырехколесная буксируемая или ящичная повозка». Из русского языка заимствованы *якут. tälägä, täliägä* [72, III, клн. 2620] и эвенк. *телегэ*. Мена *т* на *е* встречается часто в заимствованиях из тюркских языков: *бѣльгъ/белегъ, зѣль/зель* [30, с. 139]. Далее, с этим же связаны польск. *telega* «повозка, особенно для перевозки соли» в среднелатинских документах XV в. [73, с. 134]. Речь идет, вероятно, о тяжелой повозке для волов (русс. *мажа*), на которой украинские чумаки привозили соль с Азовского моря [74, с. 140]. Польск. *telega*, для которой Ливде [75, с. 662] дает пример 1608 г. и три более поздних примера, встречается в диалектах для обозначения простой крестьянской повозки [76, с. 41; 77, с. 381]. Оно соответствует по форме рум. *teleagă* (см. выше), где *ea* по необходимости развился из слав. *ě*, ср. рум. форму жен. рода *neagră* [62, с. 51].

2. Польск. *telaga* (1427 г.).

3. Польск. *teliga* в *decem currus Ruthenicales vulgo theligi nuncipatos* (1442 г.), укр. *телига* «крестьянская повозка, деревянная часть плуга» [26], где имеется в виду колесный плуг без железного лемеха, полесск.

«колесный плуг» [78, с. 211], банат. *телига* «крестьянская повозка» [79, с. 321], ср. выше Арад *celigă*.

4. Польск. *talega* в *pro talega salis* (1468 г.).

5. Польск. *talaga* в *de talaga duos boves* (1478 г.): Ропжиче «плохая повозка» [77, с. 381], тур. диал. *talāka* [80, с. 390].

6. Польск. *telega*; болг. *теленга* у Герова [5, V, с. 329], вероятно, македонское, так в словаре Конеского [81, с. 370]. Это слово употребительно в народной поэзии; *теленги* мн. ч., *теленгите* [82, с. 371] с производным *теленгар* «извозчик» [82, с. 371; 75]; в самом тексте, однако, *тилингар* [82, с. 97, 523], -н-, вероятно, является инфиксом, как в ср.-болг. *ръка* «ръка, рука» [83, с. 61]. Из болгарского языка заимствовано арумун. *talingă* (см. выше).

7. Чешск. *taliga* «крестьянская повозка» [84], словен. *taliga* (при *toliga*), хорв. *taliga*, болг. *талига* [5, V, с. 321], также диалектное [6, III, с. 279; X, с. 41] при врачанск. *māliga* [6, т. 9, с. 328], венг. *taliga* (с 1395 г.), *talyiga* с *ly*, как в венг. *bélyeg* «горящий сигнал» < **beleg*, *toliga* — с лабиализованным *a* [85, III, с. 828], словен. *toliga*, серб.-хорв. *tālīge* (pl.) — надежно из венг. марам. *toligă, toligă* (см. выше), очевидно, тур. *talyga, talyka* (оба слова [33, 1680, II, с. 1044]), *talyga, talyka* (оба слова [33, 1780, II, с. 19]), ныне *talika, talyka* при диалектном *taliya*, ср. примеры у Менгеса [80; 28, с. 143]. Из турецкого объясняется алб. *talike* «furgone, carrozza».

8. Производные слова: русск. *тележка*, диминутив к *телега*, откуда рум. *teleașcă* (см. выше); польск. диал. *telizka* (при *telużki*) «колесо у плуга» [77, с. 381] (вероятно, подразумевается все колесное устройство в целом), укр. *теліжка* «маленькая повозка», полесск. *телиежка* [78, с. 211]. Славянские варианты основы *tel-/tal-* и суффиксальные формы *-ega/-iga/-aga*, вероятно, могут объясняться из тюркских языков. Окончания *-iga/-aga* не могут основываться на слав. *-ega*, как это можно было бы вывести из рассуждений Вондрака [27, с. 89—93] о развитии слав. *ѣ*. Форма *telega* так же соотносится с *teliga*, как русск. диал. *козрёга* с русск. *козрига*.

Имеет ли венг. *taliga* славянское происхождение или непосредственно основывается на восточном источнике, как русск. *телега*, остается неустановленным [83, с. 61]. Если венгерское слово получило распространение вместе с другими венгерскими названиями тогдашних средств передвижения, через тюркские языки Балкан (так по Деци и Менгесу), болг. *талига* и тур. *talika* также заимствованы из венгерского [83, с. 61]. Тогда только рум. *teleagă* неотделимо от славянского заимствования, но с суффиксом не согласуется банат. *телига*. Безударное и рум. *tileagă* развилось в результате диссимилиации, которое, в свою очередь, из *tiligă* в результате ассимиляции (ср. рум. *cireș* < *ceresia* и рум. *gingie* < **gengiva* < лат. *gingiva* [62, с. 24, 23]).

II. С отклоняющимся в сторону значением существует основа **telj-* в хорв. *těljiga* и сербск. *těljig*, оба (по определению Ристич/Кангрга) — «согнутый на шее животного прут, на котором висит колыбельчик, повязка для ношения, ярмо». Под этим подразумевается деревянный обруч, или дуга, который замыкается под шеей животного (у мелкого скота), на который подвешивается колокольчик (см. рисунок [86, карта 1191]), или связка дышла, находящаяся на кольце или дуге из прутьев, которая называется в арумунском *săbur* и *côtur* (см. рис. К. Мошинского [87, с. 662—671; 86, карта 1241]). Другие примеры из сербохорватского языка указывает Снок [40, III, с. 438].

От всех этих слов не могут быть отделены др.-тюрк. *tilgän* «колесо,

диск» в *kaply tilgāni* «колесо повозки», *tiz tilgāni* «коленная чашечка» и *jellig tilgāni* «смерч», [88, с. 343]. Др.-тюрк. *tilgān* должно означать «диск колеса», как это имеет место в случае с тохар. *A kukāl* «повозка», связанным с др.-инд. *sakrá* «колесо» [59, с. 640] (> др.-тюрк. *šakir* [18, с. 333]); к подтверждению переносных значений этого слова — «гончарный круг, метательный диск, диск» [89, II, с. 906] или в дагестанских языках — авар. *gəbo* и хунз. *gəbūr*: оба — «колесо» и «ручная мельница» [90, с. 85], названная в связи с дисковидной формой вращающегося жернова (см. рис. в [91, с. 30]). Как можно заключить по самым старым изображениям повозок, на Ближнем Востоке до 2300 г. до н. э. преобладали дисковые колеса, они же применялись у скифов, а также и у римлян (*tympāna plaustris*; Vergil. Georg. 2, 444), ср. [92, II, с. 10, 14, 234—241; 93, II, табл. CIX, CVIII и прежде всего Шиггот] (см. ниже). Такие колеса обнаруживаются еще в XIX и нач. XX в. у восточных славян и в Карелии [87, с. 649], на Кавказе [94, II, с. 479], в Малой Азии, Болгарии, Далмации, Черногории [87, I, с. 649], Сардинии, в баскских провинциях, в северной и северо-западной горной области Испании, в Санабрии и Португалии, как это отмечает Крюгер [95, с. 195—196, иллюстрации 55—62, табл. XX—XXIII]. Др.-тюрк. *tilgān* соответствует — с ā вм. i — чагат. *tālgān* «деревянная военная машина» [22, III, клн. 1086]. Под этим может подразумеваться только осадная машина, снабженная колесами. Такие машины имели еще древние греки. Деметриос I, «осаждающий города», установил при осаде Саламина и в 304 г. до н. э. при Родосе передвижную постройку в виде башни с громадными колесами, которая была снабжена метательными орудиями и таранами [96]. Битон строил осадные машины, которые также имели колеса (ср. данные А. Рема и Э. Шрама [97], иллюстр. на с. 16—19 и 21). Средневековые каменетные машины, которые служили для разрушения стен, монтировались на двухколесных подвижных тележках [98, с. 71].

Самый важный пример здесь до недавнего времени оставался незамеченным: к.-калп. *telegen* или *telegen-arba*. В связи с этим указывается на севере и в районе устья Амударьи на архаический тип двухколесной повозки, который иначе называется просто *arba* [57, I, с. 258, иллюстр. 3, с. 458]. Эти повозки, называемые *telegen*, имели обод колеса из дважды или трижды согнутых в кольцо обтесанных сучьев ввы с одним сплетенным из прутьев кузовом. Все части этой повозки скреплялись друг с другом без железных гвоздей или заклепок. Ступица колеса никогда не делалась из железа. Эти повозки издавали скрип при движении. Колеса имели в диаметре более чем два метра. В дельте Амударьи каракалпакки использовали в соответствии с условиями местности легкий тип *telegen-arba* как транспортное средство в своих постоянных передвижениях [57, I, с. 458]. Рассматриваемое слово отсутствует у Радлова [22]. Оно появляется в первый раз в опубликованном Н. А. Баскаковым диалектном тексте [99, с. 46], потом также в Русско-каракалпакском словаре [100, с. 999]. Скрип колес *telegen-arba* пробуждает воспоминание о скрипе телег (*telega*) в «Слове о полку Игореве» — *крычать телегы*, где этот шум сравнивается с криком распуганных лебедей: *Крычать телегы полуцую, рчи лебеди роспуцую* [101, с. 24]. Нечто подобное может быть сказано и о повозках нойаидев *arba*, у которых колеса вращались вместе с осями и не смазывались ни жиром, ни дегтем, так что они передвигались по степи со слышимым далеко по степи противным скрипом [61, IV, с. 405]. Вергилий также упоминает о *stridentia plaustra* (Georg. 3, 536; Aen. 11, 138) или о «стонущем колесе», *gementem rotam* (Georg. 3, 183). *Carro chillón*, или «стонущее колесо», у ко-

торого диск колеса вращается вместе с осью, оставляет после себя глубокий след, когда крестьяне, пробиваясь сквозь ночь, возвращались с полей домой [95, с. 196]. Вот почему я не настаиваю здесь на народной этимологии, когда Абу-л-Гази отмечает по поводу уйг. *kaŋly* «повозка», что повозка называлась так по той причине, что она при движении издавала звук *kaŋ-kaŋ* [22, II, клн. 80] (см. ниже). С этим можно сравнить швейц.-нем. *töff* «мотоцикл», которое представляет собой новое звукоподражательное образование, и с другой стороны, старые производные от ономатопейтических односложных основ в романских языках [102, с. 183—193; 7, XIII, ч. 2, с. 344—382, слова, начинающиеся с *ts-*, *tš-*].

Из древнетюркской формы, непосредственно к которой восходит к.-камп. *telegen*, заимствовано др.-монг. *tälägän*. Это слово в «Сокровенном сказании» (1240 г.) обозначает специально изготовляемые железные повозки, которые использовались в военных походах для преследования врага (§ 199, 236), или в качестве почтовой повозки. На эти примеры указал и К. Менгес [30, с. 138]; см. также индекс к «Сокровенному сказанию» [103]³. Это заимствование могло иметь место уже в середине VIII в., когда усилилось уйгурское господство над Монголией [104, с. 221].

В пользу предположения о др.-монг. *tälägän* как о старом заимствовании говорит специальный характер значения слова, которое встречается только в «Сокровенном сказании» и внутри монгольских языков является изолированным. Гипотеза Н. Поппе о его связи с бурят. *tele-* «нести на носилках» [105, с. 98], несомненно, ошибочна. Отношение монг. *tälägän* к «аблаутному» звенк. *толго* «вести или ехать на нарте», *толгоки* «низкая нарта для груза» и т. д. [30, с. 144] труднопонимаемо на семантической основе. Кроме того, до сих пор в алтайских языках еще не было приведено достоверных примеров для аблаута. Широкоупотребительное монгольское слово для телеги или повозки — это *tergen* (*tärgän*), которое часто встречается в «Сокровенном сказании», большей частью непосредственно при *telegen*: *telegen-tür kölgü hūker terget ... halbuha kekesun duta'ulu'asu* (§ 280), которое Э. Хениш переводит как «wenn bei den an die Karren zu schirrenden Rindern und bei den Karren ... auch nur eine Radspeiche fehlt» [106, III, с. 153]. Этимология Н. Поппе и других исследователей (см. [30, с. 142]), согласно которой монг. *tälägän* и *tärgän* выводятся из общего корня **te-*, должна быть отклонена. Монг. *tärgän* и его этимологическое гнездо я буду обсуждать в части III.

Др.-тюрк. *tülgän*, к.-камп. *telegen* и чагат. *tälgän* содержат суф. *-gʷn*, который образует в монгольских языках отлагольные существительные: ср. др.-тюрк. *alyan* «женщина», букв. «взятое», как производное от *al-* «брать», монг. *idegen* «еда» при *ide-* «есть» и т. д. [32, с. 126—128; 18, § 113,

³ К. Менгес дает (по изданию П. Пелльо с французским переводом) форму *tälägän* (и *tärgän*, см. ниже), но не *telegen*: знаки *a* и *e* используются для одного и того же звука, лежащего между *e* и *a*, который в новой монгольской орфографии передается посредством *ä* (в настоящей работе — *e*). Менгес определяет *tälägän* как «Altmongolisch» (древнемонгольский), «Mongol ancien» у Мостэра, в то время как Н. Поппе использует для этого же языка термин «Mittelmongolisch» (среднемонгольский). Я оставил в дальнейшем изложении термины «древнемонгольский» и «монгольский», а также термины источника. Там, где этот материал отсутствует, появляется пример из «письменного монгольского» (от доклассического периода до XX в.), который я привожу по Ковалевскому или соответствующей специальной литературе. Некоторые словари были мне недоступны. В Монгольской народной республике халха-монгольский разговорный язык был положен в основу литературного, и в 1941 г. стала использоваться кириллическая графика. Я называю эту форму языка «новомонгольским» (совр. монг.), в качестве источника которого я пользуюсь «Modern Mongol-English dictionary» Гомбожаба Хангина (Indiana, 1986).

где др.-тюрк. *tīgān* не упоминается]. Этот суффикс составлен из отглагольного глаголообразующего форманта *-ya* и суффикса отглагольных имен *-n* (Н. Поппе, цит. по [107, с. 225]).

О переходе гласного *i* (др.-тюрк. *tīgān*) в *e* (чагат. *tālgān*) пишет А. фон Габен: «а с задней артикуляцией соответствует *ä* с передней артикуляцией. При этом образовался закрытый гласный, который в уйгурском и манихейском письме передавался то через *a*, то через *i*. Так, в азербайджанском языке в первом слове тюркских слов имеются *ä* и *e*, в чувашском имеется *a* < *ä* и *i* < *e*. В руническом письме имеется для закрытого гласного особый знак. Некоторые рукописи письма брахми также различают на письме *e* и *ä* ... Некоторые приводимые позднейшие примеры на мену *ä/i*, возможно, на самом деле представляют собой примеры этого *e*, который в рукописях по-разному обозначался на письме» [18, § 16].

К трехсложному к.-калп. *telegen* близко примыкает по форме другое производное, кирг. *telägät*, которое Радлов [22, III, клн. 1082] определяет как «окружающее, umgebende, Umgebung». Русск. *окружающее* означает букв. «Umkreis», ср. русск. *окружение* «Umkreisung», *окружать* «umgeben, umringen», *кружить* «drehen, im Kreise drehen» (производное от *круж* «Kreis»).

Др.-тюрк. *tīgān*, с которым Муратов [88, с. 343] независимо от меня поставил в связь русск. *телега*, могло образоваться через метатезу *tīgān* < *tigilān*, которое могло бы найти подтверждение в шор. *tāgilān* «катить, rollen» [22, III, клн. 1035], лб. *tāgälāk* «круг, кольцо» и т. д. [22, III, клн. 1031—1032], алт., шор. *tālik* «кольцо» [22, III, клн. 1083] и сагайск. (хакасск.) *tigilek* «повозка; круглый» [31, с. 469]. *-g* могло утратиться не только уже в др.-тюрк. *tīgān*, но и в соответствующем ему монг. *tā-lāgān* (**tagil*-?), как и в тех исчезнувших тюркских языках, которые были источниками в древние времена для передачи славянских формы **telegā* с ее вариантами. Это можно заключить из того, что *g* в древнетюркском остается сохраняющимся, как показывают примеры др.-тюрк. *joγurt*, *tā-gūr* и т. д.

Глагол, производный от др.-тюрк. *tīgān*, должен был иметь значение «вращать». От представления «вращать» явственно должно было образоваться др.-тюрк. *jellig tīgānt* «смерч, Wirbelwind». Однако в тюркских языках имеются различные аналогичные обозначения для смерча: алт. *äbirilγān* [22, I, клн. 932] (*äbir*- «вращать»), шор. *ailancyk* [22, I, клн. 39] (*ailan*-), чагат. *äfürmä* [22, I, клн. 1818] (*äfür*- «вращать»), *doli* [22, III, клн. 1720] (тур. *dola*- «окружать, вращать, обвивать»); тур. *äbiriik* [22, III, клн. 2000] (*äbir*- «вращать, оборачивать»), *burayān* [22, IV, клн. 1818]: (*bur*- «вращать»), с этим же надо сравнить также д.-в.-н. *wirbil* «вихрь, Wirbel», которое связано с др.-северн. *hwerfa* «вращаться» [59, с. 631], или лтш. *vērpeli* «смерч», которое неотделимо от литов. *veřpti* «прямать» (< «вращать») [59, с. 1156]. Равным образом из значения «вращать» в др.-тюрк. *tīgā* «диск» [108, с. 561], так же, как и до сих пор не привлекавшее внимание чагат. *tälä* «круглый диск или кольцо, скрученное из веревки» (Калькуттский словарь, [22, III, клн. 1384]). Суф. *-ä* встречается часто в отглагольных именах [32, с. 114].

Имеется еще др.-тюрк. *til*- *«вращать», соответствующий глагол. которого С. Н. Муратов [88, с. 343] не заметил, использованный фактически в специальном значении: др.-тюрк. *tel*- «просверливать (дыру)» [108, с. 550], ср.-тюрк. (ст.-узб., кыпч.) *til*- «просверливать» [109, 387], тур., крым.-тат. *däl* «пробивать дыру, просверливать, пробивать» [22, III, клн. 1677] с производными др.-тюрк. *telik* «дыра», ср.-тюрк. *tālik* «скважина,

отверстие», чагат. *tälük* «дыра», сарыгуйг. *telyk* [31, с. 471], кирг. *tilik* «дыра, след ноги, след» [22, III, клн. 1384].

Значение «сверлить» объясняется на основе более общего значения «вращать», как в литов. *gręžti* «вращать, сверлить», серб.-хорв. *vrtjeti* и польск. *węrcić* «вращать, сверлить» [110, с. 593], так же, как и и.-е. **ter-* «тереть при вращении, вращать» в лат. *terere* в противоположность греческому *τρέω* «сверлить», *τέτρον* «бурав» и (аблаутное) греч. *τρέος* «отверстие, скважина». К франц. *vire* «вращаться, поворачивать» относится ст.-фландр. *viron* «Zwickbohrer», ст.-прованс. *biron* и т. д. вместе с франц. *vrille* [7, XIV, с. 388]. В тюрк. *til-/tel-* «сверлить» утрачено старое значение, оно выявляется только из производных слов. В подобном смысле лат. *torquere* «вращать» сохранилось в румынском только со специальным значением «прямать», так как понятие «вращать» выражается словом *intoarce*. Можно сравнить также с этим лат. *trahere* «тянуть», которое развилось во франц. *traire* «доить» (букв. «тянуть соски»). Др.-тюрк. *te-lik* «дыра» объясняется так же, как ст.-гаскон. *forat* «дыра», беарнск. *hougat* и т. д. [7, III, с. 699], которые основываются на причастном образовании от лат. *forare* «сверлить», тогда как в диалекте Саламанки *hura* «дыра» является отглагольным существительным.

Таким образом, исходя из понятия «вращать», мы получили два разных, неотделимых друг от друга результата развития значения: 1) «сверлить». 2) «круглый диск» > «колесо диска» > «повозка».

К линии развития «вращать» > «колесо» > «повозка» можно привести в сравнение следующие слова:

и.-е. **Hwerg* (h)- — в лит. *vėžti* «поворачивать», хеттск. *hur-ki* «колесо» [111, т. 2, с. 719; 59, с. 1154]. Распирение значения от «колесо» к «повозка» лежит на поверхности: ср. нем. *Rad* «колесо» в *Fahrrad* «велосипед» и франц. *bicyclette*. Помимо вышеназванных слов алт. *hūyān* и сагайск. *tigilek*, я указываю на цитированные С. Н. Муратовым параллели.

От глагольного значения «вращать, поворачивать, крутить» можно далее вывести следующие значения:

и.-е. **kuel-* в слав. *kolo* «колесо», *kola* (мн. ч.) «повозки» из формы дв. ч. **kuolo* > др.-ирл. *cul* «повозка» [59, с. 640];

и.-е. **ret-/rot-* — в литов. *rūtai* «колеса, повозка», лат. *rota*.

В соответствиях и.-е. **wer-t-*, др.-инд. *vārtati* «крутить, вертеть», митанни *-uartaṇna* «круг, круглая площадка для тренинга лошадей» (заимствование из армянского), согд. *vrtn* «большая длинная повозка» и осет. *wærdon* «двухколесная повозка» [111, с. 719] можно обнаружить связующее звено «колесо».

В этой связи необходимо еще указать на одно большое этимологическое гнездо, до настоящего времени не находившее объяснения: доиндоевропейск. **kol-* «вращать, крутить» в русск. *комитися*, которое приведено только в Евангелии в форме *кочишися*: оно имеет значение «катиться, выкатываться (о серье)». Сюда же относятся, между прочим, др.-чеш. *koliti* «катить (о предмете)», польск. диал. *kocić się* «катиться» [77, II, с. 391], укр. *komіти* «катать, катить», блр. диал. *каціць*, словен. *kotáti*, *kotaliti*, как и чеш. *koláletti*, *kolálitii* (сюда же *kotalec* «Purzelbaum», *kotalina* «галька» [84, VI, 685]), *kotouleti* (сюда же *kotoula* в разных специальных значениях, *kotoulka* «кольцо, колечко, пайба на веретене (пряслице)» [84, VI, с. 688—689]); *kotáceti*, *kotouč* «диск, ролик», *kotouč pracu* «столяк пилы» (где просматривается архаическое значение основы *kol-* «вращать»), словц. *kotul* «purzelbaum, диск, ролик (что-л. скатанное), вал», словен. *kotāč* «колесо», хорв. босн. *kòtāč* (сюда же словен. *kotūča*

«связанные через поперечную перекладину дерева, чтобы перекатывать по ним груз»), словен. *kotūr* «круглый диск, колесо», серб.-хорв. *kōtūr* «диск, ролик, волчок, колесо у повозки» (> «велосипед»), с производным от этого глаголом: серб.-хорв. *kotūrati* «вращать, переворачивать, катить, кружить, играть волчком» (Стулли, 1806), *kotiljati se* «двигаться». Из сербохорватского заимствовано банат. *cotoroș* «ось» (ср. лат. *axis* и т. д. как производные от и.-е. **ag-* «двигаться») и рум. *coteli* «а *coti*». Рум. *coti* «вращать, поворачивать» может иметь славянское происхождение, но точные южнославянские соответствия отсутствуют. Здесь можно вести речь о раннем субстратном слове, как и в случае с рум. *cotigă*. Последнее обозначает не только колеса плуга или колесный плуг [112], но также связано с редким (поздним) производным *cotiugă* «вручную водимая или толкаемая двухколесная тележка», как рум. *teleagă* [65, карта 354]. В этом значении данное слово заимствовано из румынского языка в украинский (вероятно, только в пограничные говоры): *котига* «маленькая тележка, в которой пастухи овец перевозили свое имущество» [113, с. 136; 114, с. 155—156]. Высказанное в Академическом словаре предположение об украинском происхождении рум. *cotigă* достаточно обоснованно отвергнуто Врабье [114]. Здесь мы имеем типичный пример ошибочной румынской этимологии: какое-то сходно звучащее слово из соседствующего языка имеет вероятную связь с ним, но не является непосредственным источником румынского слова (так, ср. рум. *talpă*).

Иной вокализм обнаруживают русск. *катить* «двигать (предмет), перекатывая его» и единичное молд. (Марджиня) *cătigă* «телега», где *ă* в первом слове, видимо, довольно раннее.

Вероятно, к этому же славянско-румынскому этимологическому гнезду, с чем соглашается Б. Чоп (его изложение я не смог просмотреть, ср. [115]), относится осет. *zatur-* «катить» [116, III, с. 1496], *zatur* «оборачивать, заворачивать, поворачиваться (переносно — уводить кого-л. от его собственного мнения, убеждать), двигаться, кружиться» [116, III, с. 1497; 111]. В основе его лежит глагольная основа **k(h)at-* без соответствий в других иранских языках. Иран. *a* могло образоваться из *o*. Применительно к славянским формам может идти речь об иранском субстрате. Они могли быть восприняты частично из **kat-* > слав. *kat-*, частично в результате перехода и.-е. *a* > слав. *o*, так что *a* сохранилось, как в случае с русск. *катить*. Тогда молд. *cătigă* имеет иранское происхождение, как и молдавский топоним *Iasi*. Славянские формы с *o* могут тогда объясняться из общего доиндоевропейского субстрата, где **kat-* регулярно развились в иранском в **k(h)at-*. В пользу этой гипотезы говорит необычный, непродуктивный в румынском языке суф. *-iga*, который не имеет славянской основы. Этот же суффикс представлен в молд. *tălpigă* «пощечка для ног у станка, который используется для изготовления бочковой клепки» [106, с. 88], *tălpigă*, *tălchigă* (pl.) «ножной привод у ткацкого станка». Эти слова не могут быть отделены от рум. *talpă* «стопа, ступня, подошва ноги, полоз саней» и т. д., которые надежно имеют доиндоевропейское происхождение [12, с. 120—126]. В пользу этого говорит не только суф. *-iga*, но и славянские формы на *-ur* (где *-ur* не является продуктивным славянским суффиксом). Далее едва ли возможно отделить от серб.-хорв. *kōtūr* аромун. *cōdur* «деревянный обруч или кожаная повязка на шею овец и коз для подвешивания колокольчика» (синоним серб.-хорв. *těljig*), при котором отмечается также аромун. *cōtur*. Форма с *Ѣ* соответствует алб. *kōther* «оправа, рамка, край пирога». Кристофориди *Λεῖκόν 'Αλβίνο* — 'σλήνηκόν: *kōthère* «корка хлеба» и т. д. (у Г. Мейера не объясненное)

Албанские формы происходят прежде всего из эпир. *ὁ κόθρος* (*tà kóθra*, мн. ч.) «рамка решета, край или оправа корзины, обруч на шее животного для подвешивания колокольчика, край в головном конце колобелы, загнутый край изделия из теста», наряду с этим эпир. *tà kóθra* указано в значении «круглая деревянная форма, в которой подают застывшую в ней сырную массу» [118, I, с. 178].

Этимологии основы **kot-* (с вариантами **khot-*, *koth-*), предлагаемые до сих пор, являются ложными, так как они не объясняют основного значения «вращать, катить» (ранние опыты объяснения см. [10, I, с. 591—592; 3, II, с. 209; 54, вып. 9, с. 162—163; вып. 11, с. 205—207; 40, II, с. 169; 115, с. 73]).

Только исходя из понятия «кольцо», как это имеет место в чагат. *tīlā*, а не от понятия «повозка», легко объясняются отклоняющиеся в сторону значения не упоминаемого К. Менгесом серб.-хорв. *tēljig(a)*, которое относится к деревянному обручу для подвешивания колокольчика на шею мелкому скоту или к хомуту ярма. Эти специальные значения лежащее в их основе тюркское слово должно было приобрести очень рано. Повозки передвигались волами, ярмо которых было связано с дышлом при помощи кольца. За кочевниками следовал мелкий рогатый скот, служивший в качестве источника молока, мяса и шерсти, как это имеет место еще и сейчас. На обруче из прутьев, который надевался на шею животного, подвешивался колокольчик, ср. к этому современное вост.-тюрк. *konrak* «колокольчик, подвешиваемый на шею домашнего скота» [22, II, клн. 524].

Слав. *telēga* не может основываться на точном соответствии к.-калп. *telegen*; ср. куман., чагат. *kārmān* «крепость» > др.-русс. *керемень* или чагат. *čākmān* «вид верхней одежды» > русск. *чекмень* [3, II, с. 224, IV, с. 325—326]. Оно скорее всего могло бы происходить от тюрк. **telegā*, где *-gā* — суффикс, которому соответствует тот же суффикс в др.-тюрк. *tīlgā* «колесо», при ином вокализме в к.-калп. *telegen* и кирг. *telegāi*. Др.-тюрк. *tīlgā* образовано так же, как и др.-тюрк. *bīlgā* «мудрый», которое стоит в ряду с др.-тюрк. *bīlig* «нечто известное, знание» (от *bil-* «знать» [18, § 108, 109]). Между существительным и прилагательным не имеется различий в основе [18, § 72]. Здесь один и тот же суффикс часто образует производные обеих частей речи, как это явствует из собранных А. фон Габен примеров.

Вместе с тюрк. **teleg-* существовали фонетические варианты **tūleg-*, **taleg-* и (по гармонии гласных) **talag-*, очевидно, также **talyg* (> слав. *taliga*) или же подобный, более широко распространенный в прошлом тип **kotiga* (рум. *cotiḡā*, см. выше), окончание которого испытало на себе влияние слав. *telega*. По поводу форм с основой **tal-* надо напомнить, что в чувашском языке тюрк. *e/ā* было заменено на *a*: ср. тюрк. *tāgir*, которому соответствует в чувашском *tawār* «вращать» [46, с. 91; 49, с. 706; 14, с. 103; 50, I, с. 145]. Как известно, исчезнувшие тюркские языки, такие, как волжско-булгарский и печенежский, близки к чувашскому [49, с. 690—691].

Древнее тюркское обозначение повозки *telegen* и т. п. было позднее вытеснено широко распространившимся *arāba*, *arba* [22, I, клн. 262. 335]. Это слово заимствовало из арабского языка турки из той области, которая с 742 г. находилась под властью мусульман (Самарканд, Бухара [53, с. 79—80, 136—138]). В древнетюркском языке слово *arāba* не отмечено, для обозначения той же самой реалии используется слово *kanly*. Арабское слово позже проникло в новоперсидский язык, из тюркских языков — в русский язык и т. д. (*apbā*) и в балканские языки (> рум. *harabā*). Г. Дёрфер [61, II, с. 19—23] хотя и рассматривает н.-перс. *arāba* «повоз-

ка» под «тюркскими элементами», но добавляет, что этимология его остается «неясной», и, согласно ему, в пользу арабского этимона может говорить то, что тюрк. *arāba* не может быть включено в гнездо собственно тюркских слов. В тюркских языках суф. *-ba* отсутствует. В примечаниях [61, IV, с. 405] Г. Дёрфер приводит мнение Шписа, который высказывается в пользу тюркского происхождения этого слова, и сообщение Дж. Клоусона, который предлагает арабский этимон *'arrāda*, но об этом, однако, не может быть и речи. Исключено также и кавказское происхождение этого слова, что Г. Дёрфер выносит на обсуждение: М. Ряснен [31, с. 23] не высказывается об этимологии, он просто сводит друг с другом примеры из тюркских языков.

В основе этого слова лежит араб. *'araba*, встречающееся у историка IX в. аль-Баладури (другая рукопись дает *garaba*), имеющее значение «повозка» [119, II, с. 108] или «водяное колесо» (*machine hydraulique*) [119, II, с. 204], которое дано непосредственно от «копать» (что должно быть исправлено). Имеются в виду явно лопасти водяного колеса. В «Лисан аль-араб» (XIII—XIV вв.) слово *'araba* определяется как «быстро текущий поток» и «вид корабля» [этой информацией я обязан любезности Раифа Хоури (Гейдельберг)]. Из этого можно вывести глагольный корень, который должен был бы иметь значение «бежать», непосредственно из которого объясняются значения «(водяное) колесо» > «колесо» > «повозка». Можно привлечь для сравнения также лат. *currere* «бежать», откуда лат. *curgus* «повозка» и франц. *courir* со специальным значением «aller vite sur l'eau», откуда производные ср.-франц. *corail* «небольшое судно на Гаронне» [7, II, с. 1571]. Неуверенно изложенное соображение Г. Дёрфера, согласно которому тюрк. *arāba* само по себе является заимствованием, поддерживается оставшимся ему неизвестным к.-калп. *telegen*, в качестве исконо тюркского слова и соответствующими наименованиями повозки в соседних тюркских языках, др.-монг. *tälägän*, слав. *telëga* и т. д.

Приводившееся выше др.-тюрк. *kaṅly* «повозка» (или *qaṅlī*) встречается также в ср.-тюрк., чагат., уйг. и означает двухколесную повозку; оно соответствует анатол.-тур. *qaṅlī*, тур. *kaḡn* «двухколесная тележка для волов (с массивными деревянными колесами)», уйг. *qaṅga* «araba», койб.-карагас., сагайск. *gaṅa* «повозка», вторичное тоб.-тат. *gaṅga* «деревянная основа седла»⁴, хакас. *xaṅā* «телега» — примеры у Г. Дёрфера [61, III, с. 531]. Это слово заимствовано также и в другие языки: н.-перс. *qaṅglī* «повозка», самодийск. *kaṅa* «curgus», хантыйск. *q'aṅlī* «лошадиные сани» [61, III, с. 530, 532]. Согласно легенде об Огуз-кагане (XIV в.), повозки во время движения издавали звук *qaṅṅa*, согласно Абу-л-Гази (1660/1661 г.), — *qaṅṅ*. В тюркских языках слово *qaṅ* обозначает род шума. Несмотря на имеющуюся традицию, Г. Дёрфер считает это слово нетюркским по происхождению и отмечает, что оно «не поддается этимологизации» и что у слова «корень слишком длинен». Возможно, поэтому оно и представляет собой «по происхождению чужое слово (Fremdwort), заимствованное из языка древнего цивилизованного народа, который рано знал повозки и от которого турки (одновременно со словом) их заимствовали» [61, III, с. 532]. Таким образом, это слово не может объясняться из соседних восточнотюркских языков. Я полагаю, что оно скорее всего представляет собой старое тюркское образование, в основе которого лежит ономастическое слово *kaṅ* (см. выше).

⁴ В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *kaṅka* «седло, деревянная основа седла», эвен. *kaṅka* «конское седло, седло для детей», видимо, заимствованы из якутского — *Примеч. перев.*

III. Монг. *tergen*, тюрк. *tāz*

Монг. *tergen* или *tārgān* уже было упомянуто в связи с обсуждением др.-монг. *tālāgān*. В «Сокровенном сказании» слово *tergen* обозначает, как это видно из всего текста, закрытую повозку с дверью (§ 101, 124) и двумя дышлами, а также двумя колесами (§ 177), повозку для перевозки частей юрты (§ 121, 132), повозку, нагруженную шерстью (§ 85), повозку для запасов молока (§ 145), повозку, на которой перевозят пленных (§ 149) или просватанную девушку (§ 64), ср. [120, с. 52—53].

Монг. *tergan* «повозка» приведено в китайско-монгольском глоссарии [121, с. 16] при *kekesün* «спица», *terget* (мн. ч.) — в китайско-монгольских документах, изданных Э. Хэнишем [122, с. 57], и других текстах XIV в. [123, с. 97, 225], *terge* у Соном Гара [123, с. 287] и *tergen* у Шеш-раб Сен-гэ [124, с. 428], а также у Ковалевского [125, III, с. 1775]. Оно соответствует калм. *terg*, маньчж. *terge*, эвенк. *tapgə* и т. д., которые, по К. Менгесу [30, с. 144] и С. Н. Муратову [88, с. 338], заимствованы из монгольских языков. Сюда относятся также др.-тюрк. *terge* «телега», сарыгуйг. *tergen* «двухколесная телега» и тув. *terge* «телега» [88, с. 338]. Современная монгольская форма *tereg*, дагур. *t'iereG* возникли в результате метатезы гласного из монг. *terge*, как и совр. монг. *ereg* «крутой берет» при монг. *ergi*. калм. *ergə* [23, с. 124], при совр. монг. *üreg*, калм. *üreG* и *ürge* [23, с. 461]. монг. *egürge*, *ügürge*; другие примеры см. [126, с. 58; 88, с. 338]. С. Н. Муратов необоснованно реконструирует исходную для совр. монг. *tereg* искусственную форму **teri-gen* [88, с. 338].

В монгольских языках суф. *-gan*, *-gān(-gen)* с изменяющимся в зависимости от предшествующего слога гласным и часто выпадающим *-n* [50, II, с. 132—133; 127, с. 23; 128, с. 58] образует также отглагольные имена (как в тюркских языках), прежде всего абстрактные [129, с. 45]: *utayan* «дым» (*uta-* «дымиться»), *idegen* «пища» (*ide-* «есть»). Отсюда развиваются конкретные значения: *tatalga(n)* «веревка для завязывания груза, веревка с петлей для ловли хищных птиц» [125, III, с. 1626] (*tal-* «тянуть, тащить» [50, II, с. 137]), *dabayān* «горный перевал» [130, с. 146, 199] (в уйгурском написании текста), *daba'an* (в китайском написании), *dabayān* (1338 г., Китайско-монгольская надпись Джигунтея [131, I, ч. 2, с. 53]), *dabayān* [125, III, 1575], совр. монг. *davā(n)* (монг. *daba-* «переходить» [127, с. 94; 132, с. 45]), *tajaya* «палка», совр. монг. *tajay* «посох (для ходьбы)» (см. *kayalya* «дверь» [130, с. 101]) (в уйгурском написании), *ka'alka* (в китайском написании) обычно вместо *kayalya* [131, I, ч. 2, с. 75, 219], совр. монг. *xālyā(n)*, дагур. *xālyā* (п.-монг. *kāyaku* [125, II, с. 737], совр. монг. *xā-x* [126, с. 61]), монг. *ula'a* «почтовая лошадь» [130, с. 199] (в китайском написании), *ulaya* [131, I, ч. 2, с. 261], совр. монг. *ulā*, тюрк. *ulay* «курьерская лошадь» (тюрк. *ula-* «везти» [50, II, с. 135]).

К монг. *tergen* относятся производные слова: монг. *tergele-ku* «atteler un chariot» [125, III, с. 1775], совр. монг. *tergelex* «грузить в повозку, путешествовать на повозке, ордос. *t'ergele-* «передвигаться в повозке» [133, II, с. 660], калм. *tergixə* «ехать в повозке или на телеге, перевозить на повозке» [23, с. 393], бурят. *tergelxe* [134, с. 456]. Эти слова относятся к *tergen*, как монг. *kolgele-* «ехать верхом» [127, с. 29] к монг. *kölge* «средство транспорта» [130, с. 245] (в китайском написании), *kölgen* (1312 г., [131, I, ч. 2, с. 131]). Имеются еще отыменные образования, как например, монг. *büsele-* «опоясывать», калм. *büsləxə* (к монг. *büse* «пояс» [50, II, с. 194—195]). Другой отыменной суффикс — это суф. *-de-* [129, с. 64] в калм. *tergədxə* «ехать на повозке».

Монг. *tergele-* имеет также значение «быстро бежать». Н. Поппе [132, с. 14, 104] связывает этот глагол с монг. *tergen* «телега, повозка», без каких-либо высказываний о способе образования. Калм. *tergix* «убегать от кого-л., удаляться» и бурят. *tergelxe* «убегать, спастись бегством» были приведены Г. Рамstedтом [23, с. 393] и К. М. Черемисовым [134] в отдельных словарных статьях, понимаемые как самостоятельные образования, так, как если бы речь шла об омонимах. Бурят. *tergedexe* имеет еще значение «убегать, спастись бегством» [134, с. 456]. В данном глаголе можно усмотреть старое производное от слова *tergen* (образованное с обычным выпадением *-n*), а не производное от вторичного монгольского глагола *tergi-* «мчаться, лететь, спешить», как это, кажется, полагает Менгер [30, с. 141], не приводя каких-либо примеров. Остается один монгольский глагол, из которого могло образоваться монг. *tergil* «cours d'eau rapide, cours bruyant de l'eau» [125, III, с. 1777]. Это слово образовано так же, как монг. *tanil* «знакомый» от *tani-* «знать», тюрк. *tany-* [50, II, с. 145], или как монг. *urusul* «поток» (от *uruz-* «течь, струиться» [50, II, с. 146]). Глагольный суф. *-gi* имеет каузативно-факитивное значение [50, II, с. 170—173]. Монг. *ter-gi* должно также иметь значение, связанное с движением по воде: «заставлять быстро течь», простая глагольная основа **tär-* «быстро двигаться, бежать». От него образовано монг. **tārgān* «повозка». В сходном значении сюда же относится лат. *currere* «бежать», *carrus* «повозка». Можно сравнить с этим также монг. *tergil* «быстро текущий ручей» и араб. *araba* «быстро текущий поток», которое в непрямом значении дало тюрк. *araba* (см. выше).

Простая глагольная основа содержится в тюрк. *tāz-* «убегать, спастись бегством», которому соответствует чуваш. *tar-* тж. [31, с. 477: 30, с. 141; 132, с. 14, 104]. Сопоставления слов с *г* в определенной части алтайских языков с *з* в тюркских языках, за исключением чувашского, более всех других многочисленны и бесспорны. Во всех случаях является дискуссионным лишь то, что первично, т. е. *г* > *з* или же *з* > *г*. К тому же имеются слова, в которых *г* не дает ожидаемого рефлекса (*г* > *з*), так что для праалтайского восстанавливаются два различных звука (*г¹* и *г²*), ср. также [50, I, с. 103—104; 132, с. 80—82; 135, с. 505—509; 60, с. 23—25, 84—85, 154]. Но возможно, что эта дивергенция объясняется смешением языков: пратюрк. *г* в основном сохранилось и только в отдельных случаях превратилось в *з*. Эта языковая вариантность в чувашском отсутствует вообще, в других языках наблюдается частично. Сходные дублиеты фонетического развития обнаруживаются, например, в итальянском, где интервокальные смычные лат. *-t-*, *-k-* имеют разную судьбу в тосканском и в южноитальянских диалектах, где они отчасти сохранились (ит. *prato*, *amico*), а отчасти под влиянием верхнеитальянского диалектного койне подверглись озвончению (ит. *strada*, *lago*). Здесь никто еще не устанавливал лат. *t¹* и *t²*, *k¹* и *k²* как исходные звуки, дабы сделать понятными разные рефлексы в итальянском.

Тюрк. *tāz-/tār-* в прошлом должно было обозначать «быстрое движение». С ним можно сопоставить еще чагат., вост.-тюрк., тур., крым.-тат. *tāz* «быстрый, торопливый» [22, III, клн. 1102], тур. *tiz* (научн.). Однако эти слова, приведенные М. Рясняном [31, с. 477], по сообщению Г. Дёрфера, заимствованы в н.-перс. *tēz*, которое у Фирдоуси обозначает «острый, горячий, бурно горящий, быстрый». С ним связаны н.-перс. диал. *tīj*, курд. *tiz* и т. д. (к др.-инд. *tejati* «быть острым» [136, с. 408]). В пользу этого сопоставления говорит то, что тюрк. *tāz* представляет собой глагольную основу, производные от которой могли употребляться только как прилага-

тельные: ср. уйг. *tärgin* «быстрый» с необычным *r* [22, III, клн. 1071], образованное посредством отглагольного суф. *-gin* (см. [18, § 113; 50, II, с. 150]), а также уйгур., ср.-тюрк., куман. *türk* «быстрый, тотчас» [22, III, клн. 1068] с суф. *-k*, образующим отглагольные имена (существительные, прилагательные [18, § 127]), и которое М. Ряснян [31, с. 475] ставит в связь с иными словами. О переходе *r > z* свидетельствуют также др.-тюрк., ср.-тюрк. *täzgin* «быстро поворачиваться», куман. *täzgin*-, чагат. *ta-zgin* «двигаться по кругу» [22, III, клн. 1104; 31, с. 477] (без этимологии, Менгес). В др.-тюрк. *täzgin* «быстро поворачиваться» представлена не метатеза (отсутствуют примеры, подтверждающие ее), а основа **tag-ir* ([20, вып. 3, с. 179], см. ниже).

До сих пор не отмечалось, что в монгольских языках должен был существовать производный от *tär* глагол **tär-ge* «вращать» (глагольный суф. *-ga/-ge* образует транзитивы [50, II, с. 173]). Это следует из образованного с помощью суф. *-l* монг. *tergel* «колесо» (непосредственно в этом значении не сохранено), «диск (полной луны)» [130, с. 81, 118, 193] — в немецком переводе [«sie brachen auf am Tage der roten»] Scheibe». Ковалевский [125, III, с. 1777] приводит словосочетание *derghel sara* «pleine lune» с *d-* (которое остается необъясненным) вм. *t-*, согласно показаниям совр. монг. *tergel sar* «полная луна», или также только *tergel* (Зебек, Фитце, Хауген, совр. монг. *sar* «луна») ⁵. Монг. *tergel* относится к **terge-* также, как *tergil* к *tergi-* (см. выше), *boyol* «раб» к *boyol* «связывать», *gerel* «свет» к маньчж. *gere-* «быть светлым» [132, с. 21, 25]. Здесь, как и в монг. *tugul* «теленка», совр. монг. *tugal* (при тюрк. *tuγ-* «родиться»), не имеется соотносительного монгольского глагола [50, II, с. 145]. В отдельных и.-е. языках также часто встречаются случаи образования в древние времена имен от глаголов, у которых производящий глагол в том или ином рассматриваемом языке оказывается утраченным, но сохраняется в родственном языке.

Перенос значения «диск колеса» на «диск полной луны» заставляет вспомнить др.-инд. *śakrá*, которое было перенесено на колесо солнца (так в ведийском). Воспоминание о восходе или заходе солнца могло легко вызвать сравнение его с диском колеса. В античном искусстве бог солнца Гелиос изображался с диском в руке, в итальянском Возрождении — просто как золотой диск [137, с. 142, 148]. При переносе др.-инд. *śakrá* на колесо солнца принималось во внимание одновременно и представление о движении. Отсюда солнце появляется в античности в связи с квадригой [137, с. 107, 140—141, 249—251].

Таким образом, мы приняли для монг. *ter-(tär-)* с их производными и тюркскими соответствиями следующее семантическое развитие понятия «вращать»:

- 1) «диск колеса» (> «полная луна»);
- 2) «быстро вращаться» > «бежать» > «повозка», откуда производные глаголы;
- 3) «быстро двигаться» > «быстро течь»;
- 4) «убегать»;
- 5) сюда же относятся производные прилагательные со значением «быстрый».

Исходя из значения «вращать» объясняются также следующие случаи: и.-е. **spēc-/spñ-* в др.-исл. *spnðigr* «поворачивающийся» (о мельнич-

⁵ Из тунгусо-маньчжурских языков ср. также эвенск. *tärkən bag* «полная луна». — Примеч. перев.

ном жернове) при др.-исл. *sníla-* «обвивать, *zwirnen* (скручивать нитки)», с чем связано гот. *snīwan* [59, с. 977];

и.-е. **spēi-* в др.-англ. *swifan* «вращать, поворачивать, нестись (о ветре)» и т. д. при англ. *swift* «быстрый», кимр. *chwil* «быстро вращающийся», *chwid* «быстрый поворот, искусный прием», *chwidl* «поворачивающийся по кругу, головокружительный», *chwidr* «быстрый, беглый, опрометчивый», *chwim* «быстрый» [59, с. 1041—1042];

и.-е. **ter* в д.-в.-н. *drāti* «быстрый, скорый, торопливый», букв. «быстро вращающийся» [59, с. 1072];

и.-е. **kerp-* в литов. *vepti* «спрясть» <«вращать», куда относятся также алб. *utaronj* «торопиться, бежать», *utap* «поспешность» и т. д. [59, с. 1156];

франц. *virer* с вторичным значением в диалекте омансо (северо-запад Франции) «tourner vite, se presser» [7, XIV, с. 384 b].

Исходя из значения «бежать» объясняются, кроме того, лат. *currere* и *currus*, а также:

и.-е. **dhey-* в греч. *θίω* «бежать» с производным *θόος* (поэтич.) «быстрый» [59, с. 259—260];

и.-е. **dregh-* в греч. *τρέχω* «бежать», сюда же *τροχός* «колесо», др.-ирл. *droch* [59, с. 273];

и.-е. **ret-* в ирл. *rethim* «бежать», *roth* «колесо» (см. выше).

Из глагольного значения можно вывести и др.-инд. *kai-* «он гонит», лат. *celer* «быстрый, скорый» [59, с. 548] и лат. *vehere* «гнать» с производным **ueghslo-* > лат. *velox* «быстрый», и **ueghno-* > др.-ирл. *fen* «вид повозки», аблаутное др.-в.-н. *wagan* «повозка» [59, с. 1120; 111, с. 723—724].

Некоторые другие примеры указывает К. Д. Бак [110, с. 690—692 и 966—969]: «гшл» и «quick». Отмечается, что применительно ко всем этим словам они должны образовываться от глагольного корня, как и связанные с ними по значению алтайские слова. Их сопоставление и объяснение обеспечиваются данными словообразования, звуковых соответствий и отношением к разным значениям. Монг. *tergen* не может, таким образом, сравниваться ни с алт. *tārγān* «круг, колесо», где *tār-* (с *ā*) указывает на контрактированное *tāgir-* (ср. [31, с. 469 и с. 475], где *ā* не объяснено).

IV. Языковые, археологические и этнографические свидетельства

Исходя из языковых данных, можно заключить, что кочевые народы Центральной Азии должны были иметь в своем распоряжении повозки в очень раннее время. Глагол, лежащий в основе др.-тюрк. *tilgān* «колесо», уже не имеет архаического значения «вращать» и употребляется только во вторичном значении «сверлить». Таким же должно было быть архаическое значение основы **tār-* в монг. *tārgān* «быстро вращаться, бежать откуда-л., убегать», которая более уже не отмечается в прямом значении в монгольских языках и встречается только в тюркских языках.

Археологические находки (наскальные изображения, сохранившиеся колеса повозок) подтверждают выводы лингвистического анализа; повозки, как и колеса повозок, можно продемонстрировать начиная с конца V тыс. до н. э. на территории Румынии, а также на территории, простирающейся от Монголии через Южную Сибирь, Армению, Венгрию, Швейцарию до Голландии; ср. [139, с. 13—20; 111, с. 735—737] и с многими дополнительными данными и иллюстрациями [140] и [141].

Древнейшие повозки имели исключительно дисковые колеса, которые состояли из цельного куска дерева, или, как колесо из Цюриха (III тыс.

до н. э.), из трех кусков дерева, связанных вместе. Языковые данные согласуются с этим (см. выше). Изображение двухколесной повозки с колесами, имеющими спицы, обнаружено на скале в Кобыстане (к западу от Баку); это изображение относится ко II тыс. до н. э., ср. [142, табл. 55]. Этот тип колеса, иногда с крестообразным расположением спиц, часто отмечается в I тыс. до н. э., например, в Южной Осетии [143, с. 177]. Четырехколесные повозки с дисковыми колесами обнаружены в Армении, близ оз. Севан [144, с. 140, 144; 145, с. 237, 241]. В погребениях скифо-сарматской эпохи можно найти изображения четырехколесных повозок [53, с. 378]. О найденных в Монголии наскальных изображениях двухколесных повозок, имеющих колеса со спицами, обстоятельно рассказывает также Э. А. Новгородова [146; 147, с. 79]. На основе этимологии др.-монг. *tergel* «диск (полная луна)» можно сделать вывод, что монголы в прошлом имели повозки с дисковыми колесами. В этой связи следует указать, что в пустыне Гоби обнаружены наскальные рисунки с изображением дисковых колес; эти рисунки датируются началом II тыс. до н. э. Э. А. Новгородова считает, однако, что указанные рисунки не могут служить свидетельством того, что речь идет именно о дисковых колесах, с чем вряд ли можно согласиться (отметим, что напаровать спицы на камне, очевидно, не представляло большого труда) [147, с. 98]. Таким образом, изображение дисковых колес — убедительное доказательство существования таких колес еще в глубокой древности. Для рисуночных изображений (на камне), однако, лучше подходят повозки, имеющие колеса со спицами. Э. А. Новгородова в своей статье сравнивает повозки из других областей СССР [146, с. 197], и речь здесь идет исключительно о двухколесных повозках, большей частью с колесами со спицами. Ко времени гунов можно отнести элегантные повозки с колесами со спицами [147, с. 204]. Римляне также знали оба типа колес.

Монголы использовали в XIII столетии двухколесные повозки, но, возможно, также и четырехколесные повозки для транспортировки частей юрты, во всяком случае, в новое время [61, II, с. 19]. Марко Поло рассказывает, что татары в своих странствованиях грузили стойки юрты на четырехколесные повозки, и они имели еще, кроме того, роскошные двухколесные повозки, крытые черным войлоком и приводимые в движение волами или верблюдами (гл. 69). Такие крытые повозки, предназначенные для женщин, имели уже скифы [120, с. 44; 111, с. 729]. Сходным способом как вид жилой повозки в конце I тыс. до н. э. гунские юрты были снабжены колесами [120, с. 45]. Повозка половцев, названная в «Слове о полку Игореве» *телбага* на рисуночном изображении миниатюры рукописи Радзивилловской летописи, имеет два колеса и оказывается крытой сверху [148, с. 441; 120, с. 51].

Четырехколесные повозки использовались еще и в наше время у башкир для перевозки древесины и при перекочевке из одного места в другое [149, с. 257]. Туркские народы, однако, чаще использовали двухколесные повозки [150, с. 162—163, 336], *ar(a)ba*, см. [61, II, с. 20]. Этот тип повозки знали также кавказские народы [94, I, с. 316; II, с. 479] (с дисковидными колесами); обитатели Рачи в Грузии [151, с. 119] (с дисковидными колесами), кумыки [152, с. 91], лезгины [153, с. 126] и аварцы в Дагестане [91, с. 87] и т. д.

Крестьянские повозки славян, изображенные у Мошинского [18, с. 651—661], по большей части четырехколесные. Согласно Д. К. Зеленину [74, с. 138], русские использовали в качестве сельскохозяйственного транспорта двухколесные тележки, телеги.

Перенесение наименования *телега* на колеса плуга и колесный плуг в целом является позднейшим. В рум. *cotiga* имел место именно этот перенос (см. выше). Уже Гесиод (VII в. до н. э.) называл плуг словом, употреблявшимся для обозначения повозки, *ἀρὰξ*. Такой плуг похож с виду на двухколесную тележку. Так, галлолат. *carriga* «колесный плуг» является галльским заимствованием лат. *carrus* «тележка».

Повозки алтайских кочевников, очевидно, отличались от тех повозок, которые имели славяне. Эти последние восприняли от них другой тип повозки и вместе с ним его название. При этом восточные славяне в летнее время пользовались также различного типа санями для перевозки древесины, соха и т. п., а позднее — чаще двухколесной телегой [74, с. 137—138].

V. Результаты и перспективы

Нельзя сомневаться в том, что русск. *коврига* и *телега*, как и другие, большей частью уже давно установленные славянские слова восточного происхождения, отличающиеся по звуковой оболочке или по способу образования от рассмотренных тюркских слов, происходят из исчезнувших тюркских языков. Были ли контакты между славянами и обитателями степей на востоке в той области, которая граничила с древнейшим местом проживания иранцев до вторжения гуннов (IV—V вв. н. э.), неизвестно. В VI в. сувары, авары, хазары и булгары (протобулгары, или болгары, были соседями славян, ими были также и печенеги [154, с. 54]). Хазары в VIII—IX вв. основали могущественное государство [155, с. 74]. Чувашский язык имел тесную связь с языком волжских булгар (см. выше).

Таким образом, также и аромун. *bog* «envelope» и нов.-греч. *μλόρος* «узел, тук» должны были бы объясняться из исчезнувшего доосманского тюркского языка, печенежского или протобулгарского. В турецком есть только *boğsa* «узел, сверток», однако среднетюркский (на востоке) имеет также *böy* «дорожная сума, мешок, узел» [52, с. 69—97; 31, с. 78].

Наше исследование показывает, что общетюркские по происхождению слова частью зафиксированы только в древности, или сохранились в немногих тюркских языках, или же вообще исчезли из них. Для некоторых из них можно реконструировать такие формы, которые не известны в тюркских языках, но которые представлены в старых заимствованиях в славянские языки. Выявленные основы не всегда соотносятся с основами, нашедшими продолжение в словах близкородственных языков. На это уже указывали Н. К. Дмитриев [13], Э. В. Севортян [156] и Н. Поппе [132]. В особенности К. Менгес занимался «трудными славяно-восточными словарными заимствованиями» [157, с. 177—190]. Сходные проблемы возникают при исследовании субстрата в области Романии (распространения романских языков). Имеется много румынских субстратных слов без точных соответствий в албанском. Дороманские формы, выведенные из гасконского, отличаются иногда по морфологической форме или по звучанию от соответствующих баскских слов.

Можно только согласиться с заключительным выводом К. Менгеса [48, с. 328], что «известный до сих пор алтайский словарный состав обогащен словами, определенными как заимствования в славянских языках». Если Л. Базен в своей вводной статье «Structures et tendances communes des langues turques» [49] пишет, что «словарный состав тюркских языков в течение двенадцати столетий лишь немного изменился» [49, I, с. 16], то это соответствует действительности лишь в определенной мере. Только

примерно для 20—25% указанных А. фон Габен древнетюркских слов обнаруживаются соответствия в современном османском, или турецком языке Турции, которые мало отличаются по звучанию или совсем не отличаются от древней формы языка. Другие слова, также в специальных значениях, такие, как «круглая лешетка», исчезли еще в дописменную эпоху. Так же обстоит дело при переходе от латыни к романским языкам, где имеется множество слов, хорошо документированных в классической латыни, но не сохранившихся или сохранившихся в разрозненном виде. Так, лат. *placenta* «пирог» существует только лишь в рум. *plăcintă* «плоский пирог». Некоторые слова, встречающиеся во французских диалектах для обозначения выпечных изделий, документируются исключительно старыми текстами или обнаруживаются в небольшом числе современных источников [7, XXI, с. 471—480].

Как утверждает В. Кипарский в той части своего труда, которая посвящена тюркским заимствованиям в русском языке, в этой области до сих пор не имеется ни подробных исследований, ни полного собрания материала [45, с. 61]. Поэтому многообещающими представляются задачи будущего исследования, в котором рассматривались бы древние тюркские элементы в славянских языках, прежде всего в русском, учитывая новейшие доступные материалы, в том числе и диалектные. К. Менгесу принадлежит ряд исследований в этой области. Необходимо только обосновать фонетические отклонения рассматриваемых форм путем сопоставления со сходными различиями в звучании других слов. То же касается и вопросов словообразования, где нужно просматривать страницу за страницей объемные словари, а при неточностях в сопоставлении можно пользоваться обратными словарями. Но прежде всего для этимологических исследований необходимо обосновывать развитие значения при помощи семантических параллелей. Здесь ономастический метод оказывает весьма ценную помощь. Единое основное значение в разных языках дало различные слова с теми же или сходными значениями. Или же в этимологическом исследовании выявляются современные синонимы, которые указывают на одинаковое исходное значение. На первый взгляд, полностью различные значения, как «сверлить» и «повозка», без лишних слов объясняются как адаптация единого исходного значения «вращать». С другой стороны, иногда слова со сходным звучанием и сходным значением оказываются в совершенно различных этимологических гнездах, как это мы видели в случае с рум. *covrig* и болг. *gespèk* (см. выше), др.-монг. *talāgān* и *tārgān*, др.-монг. *tārgān* и алт. *tārvān*, др.-тюрк. *tilgān* и алт. *lālik*.

Важным является также подробное описание обозначаемых словами реалий и указание на их распространение. В сфере романских языков Гуго Шухардт, Фриц Крюгер и Якоб Юд представили направление «слова и вещи» (см. также [52]). Применительно к повозке благодаря археологическим находкам становится возможной историческая перспектива, охватывающая период времени в 5000 лет. В соответствующей этнографической литературе можно встретить точное описание реалий и иногда — лексический материал в дополнение к словарям. Этим материалом в некоторых случаях можно решающим образом подкрепить предполагаемые этимологии. Языковеды, которые занимались объяснением русск. *телега* или созвучных тюркских и монгольских слов, не знали к.-калп. *telegen*, которым обозначается самая примитивная телега. Они могли, вероятно, и не знать этого слова, так как оно сделалось доступным только с 1951 г. Поэтому в трудных случаях этимологий всегда необходимо изучать материалы новейших доступных источников.

С помощью принципов, которых мы придерживались в настоящей работе при обсуждении тюркского влияния на русский и общеславянский словарный состав, работа Г. Дёрфера о тюркских и монгольских элементах в новоперсидском языке могла бы быть значительно дополнена. В дальнейшем необходимо более подробно исследовать печенежские и другие доосманские элементы в румынском языке. Не исключено, что некоторые до сих пор остающиеся необъясненными слова могут быть приписаны к этому языковому пласту.

При историко-лингвгеографическом рассмотрении тюркского словарного состава, принимая во внимание заимствования из нетюркских языков, я подготовил бы «Древнетюркскую географию слов», подобную «Altomanische Wortgeographie» Я. Юда [158]. В такой работе можно было бы отметить слова, которые частично утрачены и содержатся только в периферийных языках. В дальнейшем могла бы быть создана «Тюркская лингвгеография», по аналогии с «Romanische Sprachgeographie» Г. Рольфа [159]. На лингвистических картах имеется возможность изобразить пути миграции слов. Из упорядоченного по группам реалий тюркского языкового материала в общеславянском и прежде всего в русском языках можно было бы также извлечь указания на древние связи в сфере материальной культуры между тюрками и славянами или в целом на сферу материальной культуры, к которой относятся заимствованные слова.

Часто возникающие при рассмотрении заимствований из исчезнувших тюркских языков фонетические проблемы могли бы быть подробно обсуждены и объяснены в обширной и обстоятельной работе, подобно предпринятой здесь. Встречающиеся в этой области трудности объясняются спецификой самих тюркских языков, обусловленной миграцией и смешением тюркских народов, которые имели место уже в Центральной Азии [57, I, с. 17, 78, 83, 86—87 с картами]; ср. также [160]. Из этих сведений можно выяснить взаимные контакты, но не те наслоения в языках, которые происходили в результате миграций. Если И. Бенцинг пишет о том, что ныне, вероятно, не представляется возможным дать общепримемлемую классификацию тюркских языков, превосходящую чисто географическую данность [49, с. 1], то это отчасти объясняется именно смешением языков и их контактами.

«Смешение пронизывает вообще все развитие языка. Идет ли речь о смешении, о заимствовании или о подражании чужому влиянию, мы всегда имеем тождественные явления» [102, с. 171]. Применительно к тюркским языкам в этом отношении имеются особенно большие трудности, так как отдельные языки были вытеснены родственными языками и мы знаем только приблизительно или вовсе не знаем древнейших исторических событий.

В то время, как при обсуждении тюркских слов, относящихся к слав. *telëga*, древнемонгольское их соответствие *telegen* объясняется как заимствование из тюркских языков, в тюркских языках есть такие группы слов, которые имеют связь со словами монгольских или тунгусо-маньчжурских языков, как например, тюрк. *tüz* и монг. *tar* в слове *tärgän* «повозка», и т. д. Предполагает ли это древнее родство или же это очень древние заимствования — о такой возможности думает Г. Дёрфер [61, IV, с. 319—347] — по-видимому, останется неразрешенным. Во всяком случае как для одной, так и для другой гипотезы приходится иметь дело с весьма проблематичными соответствиями типа монг. *tälägän* ~ бурят. *tele* или монг. *tergen* (если принимать общий корень **te*). Только при этимологиях с гарантированной надежностью древнетюркская лексическая

география позволит достигнуть уровня алтайской лексической географии. Исследования в данном направлении могут содействовать этому, с тем чтобы лучше понять взаимосвязи алтайских языков, так как «многие вопросы в этой области еще не разрешены» [132, с. 1].

Методы исследования, испытанные в романской этимологии, должны использоваться также в области тюркологии и алтаистики. Г. Шхардт справедливо отмечает, что «в этимологических исследованиях романистов на главное место выводит то, что они в своих владениях сталкиваются с самым мелким масштабом работы и самыми мелкими инструментами» [102, с. 104]. И далее «Из всех языковых групп благодаря особым обстоятельствам исторических условий жизни, нет более поучительной нежели романская» [102, с. 252]. Романист, который работает как этимолог в области заимствований и связанных с ними проблем на материале других языков, «меняет лошадь, седло остается тем же самым» [102, с. 253].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Benzing J. Einführung in das Studium der Altaischen Philologie und der Turkologie. Wiesbaden, 1953.
- 2 Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- 3 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973.
- 4 Словарь русских народных говоров. Вып. 1—23 / Гл. ред. Филин Ф. П. М., 1965—1987.
- 5 Герасимов Р. Речник на българския език. Т. I—VI. София, 1975—1978.
- 6 Българска диалектология. Т. I—X. София, 1962—1981.
- 7 Wartburg W. V. Französisches etymologisches Wörterbuch. Т. I—XXV. Bonn, Leipzig, Basel, 1928—1978.
- 8 Vox Romanica. Т. X. Bern, 1948—1949.
- 9 Hubschmid J. Afr. cuiver dt. kocher // Essais de philologie moderne (1951). P., 1953.
- 10 Berner E. Slawisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. Т. I (1908—1913), Т. II (1914).
- 11 Младенов С. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- 12 Melanges d'onomastique linguistique et philologie offerts a Monsieur Raymond Soudou. Т. I. Questions d'onomastique et de substrat. Millau, 1986.
- 13 Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958.
- 14 Poppe N. jr. Studies of Turkic loanwords in Russian. Wiesbaden, 1971 (= Asiatische Forschungen. Bd. 34).
- 15 Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Bd. 3. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.
- 16 Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Вып. 1—2. М., 1963—1965.
- 17 Мелиоранский П. М. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени // ИОРЯС. 1905. Т. 10. Вып. 4.
- 18 Gabain A. v. Altürkische Grammatik. Leipzig, 1950 (3. Aufl. 1974).
- 19 ЗВО РАО. Т. I—XXV. Пб. (Пг.), 1887—1920.
- 20 Севертин Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. I—III. М., 1974—1980.
- 21 Clauson G. An etymological dictionary of pre-thirteenth century Turkish. Oxford, 1972.
- 22 Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I—IV. СПб., 1893—1911.
- 23 Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- 24 Львов А. С. Из лексикологических наблюдений // Этимология. 1966. М., 1968.
- 25 Рачева М. Д. К этимологической проблематике ранних тюркизмов в славянских языках // Этимология. 1979. М., 1981.
- 26 Kuzela Z., Rudnycky J. Ukrainisch-deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1943.
- 27 Vondrak V. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I. Laut- und Stammbildungslehre. 2. Aufl. Göttingen, 1924.
- 28 Menges K. H. Slavo-altaische Wortforschungen // Festschrift für Dmytro Cyzevsky zum 60. Geburtstag. B., 1954.

- 29 *Menges K H* The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos, the Igor's Tale // Supplement to «Words» 1951 V 7
- 30 *Менгес К Н* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» Л., 1979
- 31 *Rasanen M* Versuch eines etymologischen Wörterbuches der Turksprachen Helsinki 1969
- 32 *Rasanen M* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen Helsinki, 1957 (SO Bd 21)
- 33 *Mansuroğlu M* Das Karakhanidische // Philologiae Turcicae Fundamenta Bd I Wiesbaden 1959
- 34 *Brockelmann K* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens Leiden 1954
- 35 *Meninski Fr* Thesaurus linguarum orientalium continens nimirum lexicon turcico arabico persicum V I—IV Viennae, 1680 *Meninski Fr* Lexicon arabico persico-turcicum V I—IV Viennae, 1780
- 36 *Zenker J Th* Türkisch arabisch persisches Handwörterbuch Bd 2 Leipzig, 1876
- 37 *Boretzki N* Der türkische Einfluss auf das Albanische Tl 2 Wörterbuch der albanischen Turzismen Wiesbaden, 1976
- 38 *Miklosich F* Die türkischen Elemente in den südosteuropäischen Sprachen // Denkschr. der kais. Akademie der Wissenschaften Phil Hist Klasse Bd 34, 35, 37, 38 Wien, 1884—1890
- 39 *Knežević A* Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben Meisenheim / Glan 1962
- 40 *Škok P* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika T I—IV Zagreb 1971—1974
- 41 *Škok P* Einige Wortklärungen // AfslPh 1914 Bd 35
- 42 *Schmaus A* Gesammelte slawistische und balkanologische Abhandlungen. Bd 1. München, 1971
- 43 *Türkiyede halk ağzından soz derleme Dergisi* I—IV Istanbul, 1939—1951
- 44 *Eckmann J* Das Tschaghataische // Philologiae Turcicae Fundamenta Bd I Wiesbaden 1959
- 45 *Vambery H* Cagataische Sprachstudien Leipzig, 1867
- 46 *Rasanen M* Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen Helsinki, 1949 (Русск перев *Рясанен М* Материалы по исторической фонетике тюркских языков М., 1955)
- 47 *Menges K H* Altaic loanwords in Slavonic // Language 1944 V 20
- 48 *Menges K H* Altaische Lehnwörter im Slawischen // Z für slawische Philologie 1954 Bd 23
- 49 *Philologiae Turcicae Fundamenta* Bd I Wiesbaden 1959
- 50 *Ramstedt G J* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft / Bearb. und hrsg. von Aalto P I Lautlehre Helsinki, 1957 II Formenlehre Helsinki, 1952 (Русск перев *Рамстедт Г* Введение в алтайское языкознание Морфология М., 1957)
- 51 *Георгиев Вл* Български етимологичен речник T I—III София 1971—1986
- 52 *Hubschmid J* Schlauche und Fasser Wort und sachgeschichtliche Untersuchungen, mit besonderer Berücksichtigung des romanischen Sprachgutes in und ausserhalb der Romania sowie der türkisch europäischen und türkisch kaukasischen persischen Lehnbeziehungen Bern 1955
- 53 *Этимологические исследования по русскому языку* Вып II М., 1962
- 54 *Этимологический словарь славянских языков* Праславянский лексический фонд Вып 1—15 / Под ред. Трубачева О Н М 1974—1988
- 55 *Русинов Р* Суффикс *аза* (аза) в съвременния български език // RS 1968 T 29
- 56 *Вендина Т И* Суффиксы с *з* основой // Общеславянский лингвистический атлас Материалы и исследования 1979 М 1981
- 57 *Народы Средней Азии и Казахстана* Ч I—II М 1962—1963
- 58 *M haita G* Imprimaturul vechi sud slave in limba romana București, 1960
- 59 *Pokorny J* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch Bern, 1948—1959
- 60 *Wendt H F* Die türkischen Elemente im Rumanischen B 1960
- 61 *Doerfer G* Die türkischen und mongolischen Elemente im Neupersischen Bd I—IV Wiesbaden 1963—1975
- 62 *Rottle W* Einführung in die historische Laut und Formenlehre des Rumanischen Halle Saale 1957
- 63 *Шербак А М* Сравнительная фонетика тюркских языков Л 1970
- 64 *Rona Tas A* Language and History Contributions to Comparative Altaistics // Studia Uralo Altaica 1986 25
- 65 *Atlas lingvistic român Serie nouă Vol 2* București 1956
- 66 *Materiale și cercetări dialectale I* București, 1960
- 67 *Lexic regional* H I—II București 1960, 1967

68. *Papahagi T.* Images d'ethnographie roumaine. T. I—III. București, 1928—1934.
69. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1912.
70. *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Wien, 1862.
71. *Čiževska T.* Glossary of the Igor's tale. The Hague, 1966.
72. *Пикарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. I—III. М., 1959.
73. *Słownik staropolski.* Bd 9. Warszawa, 1984.
74. *Zelenin D. K.* Russische (ostslawische) Volkskunde (Grundriss für slawische Philologie). Berlin; Leipzig, 1927.
75. *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. Bd 5. Lwów, 1859.
76. *Karłowicz J., Kryński A.* Słownik języka polskiego. Bd 7. Warszawa, 1953.
77. *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. II, V, VI. Kraków, 1901, 1907, 1911.
78. *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974.
79. *Стойков Ст.* Лексика на банатския говор. София, 1962.
80. *Fuad Köprülü atmağanı, Mélanges Fuad Köprülü.* Istanbul, 1953.
81. *Конески Б.* Речник на македонскиот јазик. III. Скопје, 1966.
82. *Перколич С. И.* Народни песни на Македонските Българи. Београд, 1860 (перевд.: София, 1966).
83. *Décsy G.* Die ungarischen Lehnwörter der bulgarischen Sprache. Wiesbaden, 1959.
84. *Kott Fr. St.* Česko-německý slovník. Bd 1—7. Praha, 1878—1893.
85. *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára.* Bd I—III. Bp., 1967—1976.
86. *Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz.* Bd 6. Zofingen, 1935.
87. *Moszyński K.* Kultura ludowa słowian. I. Warszawa, 1967.
88. *Муратов С. Н.* Некоторые наименования сухопутных средств передвижения и их деталей в алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. JL, 1972.
89. *Sanskrit-Wörterbuch.* 2. Tl / Hrg. von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Bearb. von Böhtlingk O. und Roth R. 1856—1858. 2 Tl. St-Petersburg, 1858.
90. *Хайдаков С. М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.
91. Матеріальна культура аварцев. Махачкала, 1967.
92. *Reallexikon der Vorgeschichte* / Hrg. von Ebert M. Bd 1—15. B., 1924—1932.
93. *Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde* / Hrg. von Schrader O. 2. Aufl. / Bearb. von Nehring A. Bd I—II. B., 1917—1929.
94. Народы Кавказа. Т. I—II. М., 1960—1962.
95. *Kräger F.* Die Gegenstandskultur Sanabrias. Hamburg, 1925.
96. *Lexikon der alten Welt.* Zürich; Stuttgart, 1965.
97. *Bitons Bau von Belagerungsmaschinen und Geschützen* / Ed. Rehm A., Schramm E. // ADAW. 1929. N. F. 2.
98. *Schmidtchen U.* Bombarden, Befestigungen, Büchsenmeister. Düsseldorf, 1977.
99. *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык. Т. I. М., 1951.
100. Русско-каракалпакский словарь / Под ред. Баскакова Н. А. М., 1967.
101. Слово о полку Игореве. JL, 1985.
102. *Hugo Schuchardt-Brevier. Ein Vademekum der allgemeinen Sprachwissenschaft.* als Festgabe zum 80. Geburtstag / Zusammenge stellt und eingeleitet von Spritzer L. Halle / Saale, 1922.
103. *Secret history of the Mongols* / Ed. by Rachewitz I. de. Bloomington, 1972.
104. *Захарова И. В.* Матеріальна культура уйгуров Советского Союза // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. 2. М., 1959.
105. *Haensch E.* Sino-mongolische Glossare. I.: Das Hua-I ih-yü // ADAW. 1966. 5.
106. *Manghol un nuca tobca'an* (Die Geheime Geschichte der Mongolen) / Übersetzt und erläutert von Haensch E. T. I. Leipzig, 1937; T. III. Leipzig, 1941.
107. *Sinor D.* An Altaic word for 'snowstorm' // SO. 1977. 47.
108. Древнетюркский словарь. JL, 1969.
109. *Фазылов Э.* Староузбекский язык. Ч. 2. Ташкент, 1971.
110. *Buck C. D.* A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.
111. *Гамкрелдзе Т. В., Иeanov Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 2. Тбилиси, 1984.
112. *Damé F.* Incercare de terminologie poporană română. București, 1898.
113. *Scheludko D.* Rumänische Elemente im Ukrainischen // Balkan Archiv. 1926. T. 2.
114. *Vrabie E.* Influența limbii române asupra limbii ucrainene // Romanoslavica. 1967. T. 14.
115. *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Bd 2. Ljubljana, 1982.
116. *Miller B. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. I—III. JL, 1927—1934.
117. Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970.

118. Μπάρκα Ε. Α. Τὰ γλωσσικά ἰδιώματα τῆς Ἑβραίου I. Ioannina, 1964.
119. Dozy R. Supplément aux dictionnaires arabes. T. I—II. Leyden, 1881.
120. Байнхмейн С. Н. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4.
121. Haenisch E. Sino-mongolische Glossare. I // ADAW. 1956. 5.
122. Haenisch E. Sino-mongolische Dokumente vom Ende des 14. Jahrhunderts // ADAW. 1956. 4.
123. Ligeti L. Trésor des sentences. Subhāṣitaratnanidhi de Sa-Skya paṇḍita // Indices verborum linguae Mongolicae monumentis traditorum. 4. Bp., 1973.
124. Ligeti L. Les douze actes du Buddha // Indices verborum linguae Mongolicae monumentis traditorum. 5. Bp., 1974.
125. Косаковский О. Монгольско-французско-русский словарь. Т. I—III. Казань, 1835.
126. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
127. Grønbech K. and Kruseger John R. An Introduction to classical (literary) Mongolian. Wiesbaden, 1955.
128. Poppe N. Khalkha-Mongolische Grammatik. Wiesbaden, 1951.
129. Poppe N. Grammar of written Mongolian. Wiesbaden, 1954.
130. Ligeti L. Histoire secrète des Mongols d'après sa transcription chinoise exécutée à la fin du XIVe siècle // Monumenta linguae Mongolicae collecta. I. Bp., 1971.
131. Ligeti L. Monuments préclassiques. I. Pt I: Textes. XIIIe et XIV siècles // Monumenta linguae Mongolicae collecta. II. Bp., 1972.
132. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Tl I: Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
133. Mostart A. Dictionnaire ordos. T. I—III. Peking, 1941—1944.
134. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.
135. Sanʹteev G. D. Zur Frage des sogenannten Rhotazismus und Lambdazismus in den altaischen Sprachen // Schriften zur Geschichte und Kultur der alten Orients. № 5: Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. B., 1974.
136. Horn P. Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.
137. Roth G. Die Gesteirne in der Landschaftsmalerei des Abendlandes. Bern, 1945.
138. Dinu M. Clay Models of Wheels Discovered in Copper Age Cultures of Old Europe Mid Fifth Millenium B. C. // The Journal of Indo-European Studies. 1981. V. 9.
139. Hönelsen M. Die jungsteinzeitlichen Räder in der Schweiz. Das Rad in der Schweiz vom 3. Jahrtausend v. Chr. bis 1850. Katalog zur Sonderausstellung des Schweiz. Landesmuseums. Zürich, 1989.
140. Piggott St. The earliest Wheeled transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea. L., 1983.
141. Häuser A. Rad und Wagen zwischen Europa und Asien // Achse, Rad und Wagen / Hrg. von Treue W. Göttingen, 1986.
142. Джафарзаде А. Гобустан. Баку, 1973.
143. Тетов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.
144. Мнацаканян А. О. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан // СА. 1960. № 2. С. 140, 144.
145. Румянцев Е. А. Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая // СА. 1961. № 1. С. 237, 241.
146. Новгородова Э. А. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии // СА. 1978. № 4.
147. Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, 1980.
148. Niederle L. Slovanské starožitnosti T. III/2. Praha, 1925.
149. Руденко С. И. Башкиры. М.; JL., 1955.
150. Народы Сибири. М., 1956.
151. Мелия А. О. Музей народного зодчества и быта Грузии // СЭ. 1983. № 2. С. 119.
152. Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961.
153. Игитов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
154. Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 1971.
155. Eckert R., Crome E., Fleckenstein Chr. Geschichte der russ. Sprache Leipzig, 1983.
156. Севертман Э. Б. О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре». М. Фасмера // Лексикографический сборник. Вып. 5. М.; JL., 1962.
157. Menges K. H. Schwierige slawisch-orientalische Lehnbeziehungen // UAJ. 1959. 31.
158. Jud J. Altromanische Wortgeographie // Z. für romanische Philologie. 1917. 38.
159. Rohlf G. Romanische Sprachgeographie. München, 1971.
160. Baskakov N. A. Classification ethnolinguistique des systèmes dialectaux des langues turques actuelles // VII Congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques. V. 5. M., 1964.

Перевел с немецкого Бурякин А. А.